

Миссис Больфем

Автор:

Гертруда Атертон

Миссис Больфем

Гертруда Атертон

Энид Больфем – уважаемая женщина средних лет, которая живет тихой жизнью в мирном, маленьком городке Эльсинор. Поскольку ее брак рушится, Энид видит только один способ решения всех ее проблем. Но сделать правильный выбор так непросто, ведь это может привести к такой духовной и личностной трансформации, от которой она, возможно, никогда не оправится.

Интригующая и неотразимая психологическая загадка от Гертруды Атертон, которая захватывает с первых строк и не отпускает до самого финала.

Гертруда Атертон

Миссис Больфем

GERTRUDE ATHERTON

«MRS. BALFAME», 1916

© ИП Воробьев В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Миссис Больфем решила совершить убийство.

Когда она рассматривала восторженные лица пятидесяти с чем-то членов клуба «Пятница», обращенных к известной нью-йоркской докладчице, которую она, как председательница, представила собранию, сказав при этом несколько слов, которые она так прекрасно умела подбирать к случаю, она ощутила легкий толчок, и ей показалось, что это важное решение росло в ее рафинированном и живом уме месяцами, а может быть годами, так как она не была импульсивной особой.

Одобрительно улыбаясь и похлопывая своими большими, сильными руками, в девственно белых перчатках, в самые подходящие моменты, когда оживленная ораторша излагала законы о женских правах, она в то же время задавала себе вопрос, не гнездилась ли эта мысль в ее подсознании – этой умственной лавке древностей, – по крайней мере половину двадцати двух лет ее замужней жизни.

Но только вчера, неожиданно проснувшись, она созналась себе без дальнейшей борьбы и отступлений перед совестью и принципами, как она ненавидела эту грузную массу мяса, тяжело спавшую рядом с ней.

По крайней мере восемь лет, с тех пор, как их состояние улучшилось и у нее было достаточно времени для чтения романов и пьес популярных авторов, она тосковала о собственной комнате, об отдельном, личном существовании. Она не была мечтательницей, но именно такая комната, с целомудренной обстановкой в холодных, бледно-голубых тонах, постоянно вставала перед ее умственным взором.

Тревожным инстинктом она ощущала безнравственность пурпурового цвета с лавандой. Днем это был бы будуар.

Она была слишком благоразумна, чтобы говорить об этом или обратиться за советом к постороннему, тем более, что ее единственным руководителем была сцена. Но там все эти мелочи жизни были случайны, или противоречивы. Маленький мирок миссис Больфем единогласно признавал ее большие познания, никто из них, даже отдаленно, не подозревал, что есть вещи, которых она могла

не знать и ограниченность ее знаний даже не подвергалась обсуждению. Рано или поздно ее могли опередить, но ее образ действий внушал уверенность, что она на голову выше всех женщин, окружавших ее, что она их прирожденный и естественный вождь.

Миссис Больфем никогда не говорила о своем желании иметь отдельную комнату, будучи женщиной, которая обдумывала медленно, говорила осторожно и вместе с тем была терпелива и рассудительна. Она редко позволяла себе то, что она называла «полетом воображения» и не допускала, чтобы горечь наполняла ее душу.

Больфемы даже теперь не были достаточно богаты, чтобы завести новую обстановку для спальни, лишенной много слишком экономными родителями с тех пор, как их дети поженились и разъехались. Но несколько дней назад она случайно заметила, что пружины супружеской кровати осели и не мешает продать ее, а вместо одной купить две отдельных. Ночью, в темноте, она стиснула руки и затаила дыхание, когда вспомнила багровый румянец Давида Больфема, осмотрительную манеру, с какой он отодвинул свою толстую чашку для кофе, почесал щетинистые усы, свернул свою не очень чистую салфетку и просунул ее в кольцо раньше, чем ответить. Его первые слова сказали все, но он был политиком и свои умственные процессы привык приспособлять к пониманию слабых интеллектов. «Вы можете их, пружины, починить», – объявил он жене, нежно улыбавшейся через стол с остатками ветчины, яиц, соленой макрели, кофе и горячего хлеба – «то есть, если это надо, чего я не заметил, а я несколько тяжелее вас. Но я не допущу больше ваших проклятых новомодных выдумок в этот дом. Было хорошо для моих родных, будет хорошо и для вас. Мы пятнадцать лет жили без хитрых абажуров на лампы, которые только портят глаза, и без ковров, в которых я путаюсь. Последние восемь или девять лет, если вы не бежали в клуб, то мчались в Нью-Йорк, и у меня было достаточно холодных ужинов и чаев по клубам. На ваши изящные платья я выкладывал деньги, которые мог бы продуктивно истратить в предвыборное время. Но я вытерпел все это потому, что я, кажется, такой хороший муж, как никто на свете. Мне нравится, если вы хорошо одеты, так как на вас все еще заглядываются, и это как-никак годится для дела. Я никогда не лишал вас прислуги, но есть граница терпению для всякого мужа. Я против двух кроватей – и кончено».

Часть своей речи он произнес стоя, что было его обычной позой при обсуждении законов, потом вышел из комнаты своей тяжелой, деревенской походкой, которую она была бессильна изменить. Он не выделялся ни внешностью, ни

манерами, был скорее настойчив, чем силен, и более хитер, чем решителен.

Она была благодарна, что он не даровал ей обычный супружеский поцелуй. Запах кофе от усов вызывал в ней дурноту, с тех пор, как она перестала его любить.

Или начала ненавидеть. И вот, лежа в постели и глубоко вздыхая, чтобы отвлечь кровь от висков, она задавала себе вопрос, любила ли она его вообще в утро жизни, когда мужчина и женщина молоды? Он был высокий, стройный юноша с красными щеками, блестящими глазами и «кружил» головы в деревне. Его внешность хвалили, и он должен был наследовать магазин отца, так как его единственный брат умер год назад, а сестры вышли замуж и уехали на Запад. Она была красива, легкомысленна и так плохо образована, как все девушки ее класса, но хорошо хозяйничала в доме отца. Уже в шестнадцать лет она отличалась умением делать пироги, а в двадцать изяществом и вкусом, с каким из ничего мастерил свои платья. Она ни в коем случае не напоминала дурочек ее возраста, класса и понятий. Хотя она и не была способна к страсти, в ней была тонкая чувствительность, свойственная юности, стремление к романтичности и холодное недружелюбие к суровой мачехе.

Давид Больфем вздыхал по ней возле главного подъезда и завоевал ее во фруктовом саду; это было весной. Все было так естественно и неизбежно, как корь и коклюш, от которых она его выходила в первый год их брака.

Она была счастлива счастьем юности, неведенья и постоянной работы. Хотя его банальные измены и вызывали ссоры, они скоро забывались, так как она была женщиной невозмутимого и философского темперамента. К тому же у них не было детей, за что она чувствовала к нему род холодной и отрицательной благодарности. Она любила детей и даже привлекала их к себе, но предпочитала, чтобы другие женщины рожали и воспитывали их.

Но все это, относительное, счастье продолжалось до пробуждения его честолюбия и до серьезных испытаний, связанных с этим.

Железная дорога превратила сонную деревню в прелестный городок, с тремя тысячами жителей.

Для миссис Больфем это обозначало более широкие интересы, возможность поехать в Нью-Йорк, но более удобное сообщение с большим городом почти разорило дело ее мужа. Его отец умер, и он наследовал магазин, который в течение поколений снабжал товарами деревню. С проведением железной дороги Больфем обленился и в хорошую погоду любил сидеть на тротуаре, а зимой перед печкой, отодвинув стул назад и ведя политические беседы с другими джентльменами, столь же обремененными делами, как и он. Он был популярен, потому что любил пошутить, имел приветливые манеры, был авторитетом в политике и обладал красноречием, хотя и безграмотным. Когда дела его пошатнулись, он только бранился, и как раз, когда он, в действительности, начал ощущать затруднения, его шурин, бывший также другом его юности, приехал из Монтаны и спас его дело от разорения, а «старое место Больфемов» – от залога.

Мистер Коммек, шурин, изгнал бездельников и ввел Дэва в политику. А сам лично посетил каждую хозяйку общины, условившись держать в магазине самые лучшие продукты, но ничего из тех вещей, что служили предлогом для поездки в Нью-Йорк или позволяли помечтать, с преискурантом в руках.

Миссис Больфем презирала этого шумного, вульгарного, делового родственника, хотя к концу второго года, двенадцатого ее замужней жизни, она уже держала прислугу «за все» и делала себе маникюр. С Коммеком она обращалась с неуклонной ласковостью – врожденное качество, которое впоследствии пышно расцвело в изящество – и даже отдавала ему известную дань благодарности. Она была истинная женщина и вскоре после его появления сознала честолюбие, заложенное в ее сильный характер, и начала принимать участие в осуществлении прекрасно намеченного плана – главенства в общине.

Все это было очень легко. Конечно, она никогда не встречала и, вероятно, никогда не встретит действительно богатых людей, собственников больших поместий графства, надменно принимавших у себя один другого, если только это не были приемы для приглашенных из Нью-Йорка, подходящих им по положению. Но миссис Больфем не теряла времени на бесплодные сожаления. В ее деревне и по соседству было достаточно старых семейств, гордившихся тремя или четырьмя поколениями на той же ферме, зажиточных, но общительных и демократичных. И если они не были так стары, чтобы, «порастить мхом», зато были восприимчивы для новых понятий. Многие из них даже настроили в разрастающейся деревне дома, угрожавшие поглотить лучшие земли ферм.

Миссис Больфем неизменно властвовала среди скучноватых соседей и в местном обществе, и вновь приезжие быстро признавали ее власть и высокий ум.

Сознаться, что не знаешь миссис Больфем, это все равно, что быть изменником. Все ей удавалось. Даже основательный дом, унаследованный ими от отца мужа и еще окруженный четырьмя акрами земли, стоял в начале лучшей улицы деревни – длинной и широкой улицы, так густо заросшей кленами, такими старыми, как сама ферма, что с весны до Рождества нежное кружево ветвей вздымалось над головой. Она была изящна, но обладала железной волей, и совершенно банальная индивидуальность была скрыта за холодной ласковостью и благородством манер, так восторгавшими женщин. Она была совершенно чужда тому оригинальному своенравию, которое всегда ненавистно педантам.

И, наконец, она всегда была одета с безошибочным вкусом, так оттенявшим ее высокую, стройную фигуру. Конечно, изящные *tailleur*'ы она принуждена была носить по два года, но они всегда казались совершенно новыми и носились с таким видом, который удваивал их и без того значительную стоимость.

Женщины находили, что она красива. Мужчины по большей части проходили, не замечая ее.

Уже восемь лет миссис Больфем была признанным лидером Эльсинора. Это она основала клуб «Пятница», сначала только с общими задачами умственного развития, а потом для изучения зависимого положения женщины. Она ни капли не заботилась об избирательных правах для женщин – в действительности она думала, что это самая неженственная вещь – но вождь всегда должен быть во главе шествия.

Это она организовала связь с почтенным клубом в Нью-Йорке, эта она привлекла популярную, радикальную и прекрасно одетую особу, сидевшую рядом с ней на эстраде и приехавшую сюда для собеседования на тему: «Европейская война и женщина».

Гостя, к удовольствию большей части слушателей и своему собственному, доказала, что «бомба», ускорившая войну, была изготовлена в Германии. Лекция продолжалась, несмотря на шипение некоторых членов клуба, придерживавшихся германской ориентации, и председательница только что обменялась удивленными взглядами с умеренной серединой, предполагавшей,

что корень зла лежал в желании России оттаять свои замерзшие ноги в теплых водах Босфора, когда, может быть, подгоняемая едкими выкриками прессы, занятой жестокостями данного момента, мысль об убийстве окончательно оформилась в ее ясном и положительном уме, так восхищавшем эльсинорских дам.

Чистый профиль миссис Больфем, еще более чистый от изящных контуров и белой кожи лица и благородно посаженной головы, был повернут к аудитории, внизу эстрады. Один из восторженных молодых членов клуба, слушательница художественных классов в Нью-Йорке, зарисовывала ее, как этюд для св. Цецилии, когда эти восемь огненных букв возродились из смрадного огня битв Европы и завладели сознанием миссис Больфем. Восемь страшных, черных букв, но с ясным значением – убийство!

После минутного слабого изумления и взгляда, брошенного на прошлое, она спокойно спросил себя: «Почему нет?» Там, далеко, люди расстреливают и оптом рвут друг друга на части, шутят в траншеях во время перерывов, чтобы снова убивать по данному сигналу, с таким же отсутствием раскаяния, с каким она прицеливается в мишень или отрубает голову цыпленку, вскормленному собственной рукой. И это делают мужчины-законодатели, сами провозглашающие себя правителями мира.

В юности миссис Больфем чрезвычайно уважала мужчин. И даже теперь, когда она и презирала, и ненавидела своего мужа, она, совсем по-женски, откликнулась на тонкий образчик мужественности, хороших манер и умения говорить не только о политике и делах. Но в графстве Брабант это встречалось не часто.

Единственный человек, хоть сколько-нибудь заинтересовавший ее за эти годы, был Дуайт Рош, также отпрыск старой фермерской семьи.

Рош был юрист из северо-западного университета, после нескольких лет практики в Висконсине принявший предложение вступить в очень уважаемую юридическую контору его родного города. Он не сколько раз вел дела Давида Больфема, который за последние шесть месяцев запросто приводил его к себе поужинать, вероятно, раз в две недели. Но хотя миссис Больфем откровенно наслаждалась его обществом и его очевидным восторгом ее красотой, которая, она это знала, мало привлекала мужчин, у нее было свойственное женщинам отвращение к беспорядочности отношений, хотя бы невинных, и она решительно пресекла попытки Роша, «заглядывать к ней в сумерки».

Его образ только промелькнул перед ней, когда она спросила себя, чего достигла мужская цивилизация, каким образом и почему женщины должны уважать ее? И вот, по сравнению с бессмысленной бойней в Европе, которая по-видимому будет одной из повторяющихся периодически во всем мире, с тех пор, как война есть способ выражения совокупного желания «победить кого-нибудь», заложенного в каждое мужское сердце, да, по сравнению с таким чудовищным преступлением, что же значит нападение с целью убийства на опротивевшего мужа?

Около двух лет назад, когда характер Больфема стал невыносим под влиянием вина, она подумывала о разводе; но после нескольких недель холодного расчета и стараний предусмотреть неизбежные последствия, она окончательно отбросила эту мысль. Это было несовместимо с ее жизненными понятиями. Только богатые женщины, или очень незначительные и в больших городах, или наконец признанные очаровательницы, владевшие даром покорять, или такие пожилые, что становились безразличными ко всему, могли позволить себе роскошь развода.

Ее жизнь протекала в восточной части графства Брабант; а там хотя и гордились передовыми идеями и, хотя среди молодых женщин проявлялось легкомысленное направление, и заглушенные скандалы скользили, подобно липким чудовищам в болоте, но основы, унаследованные от старого пуританского ствола, были положительно пропитаны давними предрассудками.

Это было типичное общество среднего класса, с устарелыми традициями, дополненными человеческими причудами в разнообразных пропорциях.

Миссис Больфем, просвещенная постоянным чтением и устройством бесчисленных докладов, применяла к жителям Эльсинора слово «буржуа» несколько презрительно, но сознавала не без вздоха, что разделяла все их предрассудки и что ни на один миг она не осталась бы во главе Эльсинора, будь она разведёнкой.

Миссис Больфем не позволяла себе мечтать о неожиданном богатстве. Эльсинор был ее средой, и в общем она этим довольствовалась, сознавая, что не предназначена главенствовать в таком городе, как Нью-Йорк. Она любила магазины Пятого Авеню, уже давно вежливо предав забвению простонародные лавки Шестого. Любила с подругой занять кресло в оркестре на утреннике и

выпить чашку чая или шоколада в модном уголке перед возвращением в провинциальный Эльсинор. Между ней и ее мужем было молчаливое соглашение, что он будет обедать со своими политическими друзьями в одном из ресторанов Добтона (центра графства) в среду или четверг вечером, когда ей было невозможно вернуться домой раньше семи. Соглашение это он втайне, вероятно, одобрял, но в виде протеста возвращался домой в два часа утра и очень веселый.

Он никогда не сопровождал ее в театр, так как любил водевиль и крикливую оперетку, она же к этим двум уродствам питала глубокое презрение. Она удостаивала смотреть только «лучшие пьесы», руководствуясь не столько газетной критикой, как длительностью моды на пьесу. Надо сознаться, что за восемь или девять лет ее сравнительной свободы от угнетающих забот по хозяйству, она хорошо узнала жизнь, благодаря сцене, предпочитая хорошую американскую драму, особенно, если она касалась светской жизни, тем повышенным или декадентским пьесам, которыми снабжало иностранное искусство – их она спокойно презирала. Удовлетворив свое первое любопытство, она благодарила бога, что была чистокровной американкой.

Такова была миссис Больфем, когда решила убрать прочь Давида Больфема, ненужного ей мужа. Она охотно царил в Эльсиноре, готова была прожить там жизнь, но как достойная, безупречная и состоятельная вдова. Раз она откинула вопрос о разводе, ей оставался только этот путь избавиться от него. Ему было сорок четыре года, и хотя он «задувал» – употребляя его собственный жаргон – с неизменно возрастающим постоянством, он был здоров, как бык, а знаменитый пьяница города дожил до восьмидесяти лет.

Теперь нью-йоркской докладчице отвечала доктор Анна Стейер. Напомнив членам клуба, что президент Соединенных Штатов призывал своих послушных сограждан обуздывать страсти и гордиться своей нейтральностью, доктор Стейер продолжала разбивать анти-германскую позицию посетителей, перечисляя промышленную, экономическую и научную дань цивилизации, которой прославилась Германия со времени объединения страны.

Доктор Стейер, датчанка по происхождению, была сильна, как оратор, но доминирующей нотой ее характера была напряженная и страстная лояльность. Несколько лет своей жизни, наиболее чутких для восприятия впечатлений, она провела в немецких клиниках и еще хранила романтическую привязанность к стране, чьи природные и исторические красоты никто не станет отрицать. Она

упорно отказывалась читать «противную сторону», укрепляя свою веру во все, что было лучшего в стране ее юношеских мечтаний. Поэтому ее речь в части информации была несколько не на тему и, не будь глубокой любви, которую она зарождала, чуть ли не во всяком присутствующем, поднялось бы вежливое, но твердое требование «прекратить».

Миссис Больфем ободряюще улыбнулась ей, когда ее размышления вдруг приняли неожиданный и произвольный уклон. Не будучи импульсивной особой, она после долгого обдумыванья обыкновенно приходила к правильным выводам. В ту минуту, когда она решила ликвидировать своего мужа, она решила сделать это сама, и даже раньше, чем доктор Стейер привлекла к себе ее поверхностное внимание, она задала себе вопрос, «как».

Миссис Больфем была женщиной, не любившей промахов, а убийство, как она отлично знала, было поступком, при котором надо идти наверняка, если преступник хотел потом наслаждаться свободой. Утонченная до мозга костей, она избегала всякой жестокости и редко, вернее никогда, не читала в газетах подробности преступлений. Хотя она и не упала бы в обморок, но вид крови внушал ей отвращение. У нее был револьвер – взломщики, особенно за последнее время, часто врывались в дома графства, – но ничто не ужаснуло бы ее больше, как необходимость всадить его содержимое даже в худшего из преступников. Машинально она перебрала в уме все средства, принятые для устранения из жизни вредного человека, и все их отбросила. Но доктор Анна, отчасти влиявшая на нее научным складом своего ума, однажды дала ей толчок, намекнув, что женщины ее типа предпочитают отраву, если решили убить. Это было бескровно, прилично и не требовало вульгарного проявления физической силы.

Но неожиданно умерший, здоровый человек будет вскрыт и подвергнут химическому исследованию. Именно в этот момент, с яркой улыбкой в сторону своего германофильского друга, миссис Больфем вспомнила один дождливый вечер несколько лет тому назад. Она и доктор Анна сидели у огня в старом коттедже Стейеров, и последняя, которая до войны интересовалась только наукой, суфражизмом и своими друзьями, в этот раз говорила о бесследных ядах, даже встала и из секретного шкафчика, над камином, достала пузырек. В течение этого же разговора, который естественно касался преступлений, Анна говорила о глупости докторов, отравляющих морфием, стрихнином или синильной кислотой, когда всем членам научной ассоциации не только известны органические яды, но они могли бы удалить помеху своего счастья зародышем

холеры, оспы или тифа, запечатанным в совсем безвредной капсуле. Миссис Больфем вздрогнула при одной мысли об этих ужасных болезнях, не имея желания быть свидетелем страдания или рисковать заразой, но, когда сегодня она смотрела на Анну, то решила добыть пузырек с бесследным ядом.

Решение было так неожиданно и так страшен его предвестник, что это сопровождалось необыкновенным физическим феноменом: она стиснула свои крепкие, белые зубы и выдвинула вперед сильный подбородок. В глазах появился сосредоточенный, жесткий взгляд, и мускулы лица, казалось, были готовы прорвать ее нежную белую кожу.

Алиса Кромлей, молодая художница, зарисовавшая миссис Больфем, вместо того, чтобы слушать диспут, затаила дыхание и опустила карандаш. На один только миг прелестная, ультра-рафинированная глава Эльсинора стала похожа не на святую Цецилию, а на Медузу. Никогда прежде, рассудительная, владеющая собой и повелевающая с улыбкой, она так не выдавала скрытых возможностей своей натуры.

Мисс Кромлей бросила кругом себя взгляд изумленного предчувствия, но дебаты как раз окончились, все стали расхваливать самообладание высоких докладчиц и повторяли последнюю фразу нью-йоркской гостьи – что ошибка не в цивилизации, а в человеке.

Минуту спустя, миссис Больфем подошла к краю эстрады и с неподражаемым изяществом пригласила членов клуба выступить вперед и приветствовать заслуженную гостью. Маленькая мисс Кромлей изучала ее и слушала ее приятный, но не глубокий голос, ее веселый покойный смех и пришла к заключению, что страшное выражение, виденное на лице ее модели, было только игрой света.

2

Митинг членов клуба «Пятница» происходил в Аудиториуме, зале, обслуживавшем передвижные выставки, случайные представления водевилей, выступления политических ораторов и балы по подписке среди разнообразных слоев населения. В особенности он был удобен для клуба, так как нравился

посетителям и имел маленькую комнату позади, где можно было приготовить чай.

Был сырой вечер, когда комитет, во главе с председательницей, поспешил проводить уезжавшую гостью, и все быстро расходились по домам, одни, чтобы собственноручно готовить ужин, другие, чтобы подгонять вялую «наймичку». Уходя группами, они постепенно расходились на перекрестках, и наконец миссис Больфем и доктор Анна оказались вдвоем на Старой улице. Приемная доктора Анны была на Главной улице за Аудиториумом, между Эльсинорским банком и складом аптекарских товаров; но по наследству ей достался коттедж на улице, которая теперь называлась Авеню Эльсинор и была почти в противоположной стороне от «старого дома Больфемов».

– Войдите, – сказала она радушно, отворяя калитку, густо обсаженную буксовой изгородью, – можете телефонировать Дэву и посоветовать ему пойти в новый ресторан. Я уже годы не видала вас.

– Охотно, – быстро ответила миссис Больфем, сопровождая слова той улыбкой, которая в Эльсиноре называлась «бесподобной». – Очень любезно, – добавила она вежливо, так как даже со старыми друзьями не позволяла себе забывать свои хорошие манеры. – Я мечтаю о чашке вашего чая, если вы согласны приготовить его сами. Я, право, не могла бы ничего съесть после этих сэндвичей.

– Конечно, я приготовлю чай сама, во-первых, потому, что его иначе нельзя было бы пить, а во-вторых, это вечер отпуска Кэсси.

Она вытащила ключ из-под коврика у двери и нажала выключатель в прихожей и другой – в удобной, небрежно прибранной гостиной. При жизни ее родителей это была парадная приемная, с атмосферой столь же суровой, как и старая мебель, набитая волосом. Теперь она была обставлена не очень новой, но удобной мебелью, с диваном возле радиатора. Письменный стол и другие столы были беспорядочно завалены сборниками, медицинскими журналами и справочниками.

– Как тепло и прелестно, – воскликнула миссис Больфем, быстро снимая шляпу и плащ и аккуратно складывая их на стул. – Я протелефонирую, а потом подремлю, пока чай будет готов, – знаю, вы не потерпите моего присутствия в кухне. Какое было бы блаженство послушать ваши милые, старые песни после

резких, женских голосов.

Она быстро окончила разговор по телефону – мистер Больфем только что вышел ненадолго. Доктор Анна зажгла в кухне газовую печь и, передвигая алюминиевую посуду, распевала песни бурным контральто.

Миссис Больфем не стала проделывать каких-либо сценических формальностей, даже не подошла на цыпочках к двери и не стала прислушиваться. От телефона, стоявшего на письменном столе, она направилась к самому прочному стулу, принесла его к уничтоженному камину, встала на него и добралась до маленького шкафчика, который Анна устроила на месте старого камина, когда был поставлен радиатор. Тут доктор Анна держала свои лекарства, жемчужную нить, брильянтовую брошь своей матери и пачку денег «на крайность».

Пузырек был между другими бутылочками, миссис Больфем узнала его сейчас же, спрятала в маленькую сумочку, еще висевшую на ее руке, заменила его другим маленьким пузырьком, стоявшим с краю, закрыла дверцу и поставила стул на прежнее место. Могло ли быть что-нибудь проще?

Она слишком заботилась о своем костюме, чтобы лечь, поэтому устроилась удобно в уголке дивана и закрыла глаза. Успокоенная теплом и звуками голоса Анны, напоминавшими орган, она погрузилась в счастливое состояние полусна, прерванное появлением хозяйки с подносом. Она вскочила с виноватым видом.

Я не хотела засыпать, предполагала помочь вам накрыть на стол.

– Вот такое умение вздремнуть сохранило вашу молодость и красоту, тогда как у всех нас утомленные лица.

Миссис Больфем мило настаивала, что сама накроет на углу стола, и обе подруги, весело болтая, принялись за чай с гренками и вареньем. Лицо доктора Анны, широкое и со вздернутым носиком и добродушно светящимися глазами, расцвело, когда ее приятельница похвалила эрудицию, проявленную ею в клубе при возражении гостье, и добавила задумчиво.

– Мне кажется, я ровно ничего не знаю об этой войне. Каждый противоречит другому, а иногда и самому себе. Я «отправлюсь» завтра («отправляться» на эльсинорском наречии обозначало ехать в Нью-Йорк), чтобы достать все книги

по этому вопросу. Я чувствую себя такой невеждой.

– Это широкое задание. Когда вы его одолеете, то будете знать меньше, чем узнали бы, читая передовые статьи вечерних газет «противной стороны». Я разыщу список, который один пациент, стоящий за нейтралитет, дал мне, и, если хотите, утром завезу к вам. Он в моей приемной.

– О, пожалуйста. – миссис Больфем быстро наклонилась через стол. – Вы знаете, в пятницу мой черед читать доклад, и я буквально ни о чем не могу думать, кроме этой ужасной, но интересной войны. Понятно, я должна проявить истинное знание, а не отыгрываться только прилагательными и обобщениями. Буду читать день и ночь. Наверное, я достану все эти книги в одном из нью-йоркских издательств.

– Энид Больфем, вы – чудо. Если только вы беретесь за дело, кто, кроме вас, может овладеть предметом в двухнедельный срок. О, какая скука!

Зазвонил телефон. Доктор Анна отодвинулась вместе со стулом, поднесла трубку к уху и почти сейчас же положила ее обратно.

– Спешный случай, – сказала она отрывисто, и напряженная, профессиональная сосредоточенность согнала милую беззаботность предыдущей минуты. – Ребенок, сожалею. Оставьте ключ под ковриком, у двери. Не торопитесь. – Она уже одевалась в передней, произнося последние слова, и входная дверь одновременно захлопнулась.

Миссис Больфем составила посуду на поднос, унесла все в кухню, вымыла и убрала. Она была очень методична и чрезвычайно аккуратна. Хотя теперь дома она и не делала такой работы, но оставить маленькое хозяйство своего друга «вверх дном» она не могла. Грязная посуда преследовала бы ее всю ночь, или во всяком случае, пока она не заснула бы.

После того, как она сложила все рекламы на столе в гостиной аккуратными рядами, она надела шляпу и плащ, загасила свет, спрятала ключ в условленном месте и быстро пошла по дороге. Фонарь горел как раз напротив ворот. Его свет упал на лицо человека, появившегося из густой тени кленов, окаймлявших улицу. Она узнала адвоката своего мужа – Дуайта Роша.

– Как удачно, вскрикнул он по-мальчишески, – теперь я могу поговорить с вами пять минут и даже десять, если вы пойдете медленно. Что вы тут делаете одна, так поздно!

Миссис Больфем опасливо оглянулась в обе стороны. Все окна были освещены, но для сиденья на веранде сезон был слишком поздний. Если бы они даже встретили кого-нибудь, едва ли можно было бы их узнать, разве, конечно, встречный станет поджидать у фонаря. Хотя она и принадлежала к числу женщин, не боявшихся бывать всюду в одиночку, но при появлении мужчины, с его извечным правом защищать и покровительствовать, в ней пробудилась вся ее женственность. Она мило улыбнулась.

– Вы можете довести меня до моих ворот.

– Думаю, что могу. Даже револьвер, приставленный к моему виску, не мог бы заставить меня отказаться от нескольких благословенных минут прогулки с вами. Seriously, это не безопасно, так поздно идти одной. На последней неделе были три кражи со взломом, а у вас можно выхватить эту сумочку.

Она ближе придвинулась к нему. И с едва заметным оттенком тревоги в голосе: – Я совсем не думала об этом, когда Анна была спешно вызвана. Я так рада, что вы оказались здесь. Хотя жеманно – вы знаете, совсем не подходит женщине моих лет и положения быть замеченной ночью с молодым человеком.

– Вздор. Вы – как жена Цезаря; что бы вы ни сделали в этом городе, все будет признано правильным. Вы тут всех загипнотизировали, включая и меня. – И более серьезным тоном он добавил: – Вопрос моего самолюбия изучить вас лучше. Почему вы не позволяете бывать у вас?

– Это невозможно. Если я добилась хорошего положения, то только потому, что всегда была щепетильна. Если молодые люди станут бывать у меня, то можно будет сказать, что я ничем не лучше той развеселой банды тангисток, веселящихся каждую ночь, посещающих таверны, и все такое... Ее голос принял неопределенный оттенок. В действительности она знала очень мало о забавах «веселых сборищ», судя о нравах этого круга людей чаще всего по извлечениям из отчетов.

Но раз навсегда она решила объясниться с этим, сбитым с толку, молодым человеком. Она прекрасно знала, что казалась моложе своих лет на добрый десяток, а также и то, что страсть у мужчин тоже считается делом, хотя у него и было мало свободного времени.

– Благодарю судьбу, что у меня нет взрослой дочери, которую надо было бы оберегать от этой веселой компании, – сказала она игриво. – Конечно, я могла бы ее иметь, я достаточно стара.

Он откровенно рассмеялся. Потом сказал ей старую истину, вечно новую для женщин, сказал с заметной нежностью в суровом и энергичном голосе.

– Я хотел бы знать, действительно ли вы так пропитаны условностями, как про себя думаете сами. Вы производили на меня всегда впечатление двойственности. Одна из вас крепко спит, там, где-то, а другая даже не подозревает о существовании первой.

– Как поэтично! – она улыбнулась с удовлетворением и почувствовала соблазн кокетства, будто бы ожил призрак ее юности, того давно прошедшего периода, когда она наряжалась и пекла свои великолепные пироги на соблазн холостых деревенских франтов Эльсинора; но она быстро овладела собой и нахмурилась. – Вы не должны мне говорить таких вещей, – холодно сказала она.

– Нет, буду! И еще добавлю, что хотел бы, чтобы вы были вдовой или никогда не были замужем. Тогда я сделал бы вам предложение.

– Это равносильно тому, что вы хотите смерти моего мужа. А он ваш друг.

– Ваш муж не друг мне, я на него работаю временами. В этот момент я забыл, кто ваш муж.

– Покончим на этом.

– Отлично.

Было очевидно, что он принадлежал к породе людей, находивших развлечение в ухаживании за замужними женщинами. Они были возле фонаря, и она

снисходительно посмотрела на эту милую мужскую разновидность. Она лично была в полной безопасности и было совсем не неприятно, в сорок два года, быть желанной для самого умного молодого человека графства Брабант. Улыбка сбежала с ее лица, и нервы как-то слабо дрогнули, когда она встретила не улыбающиеся глаза, близко склонившиеся к ней.

Лицо у Роша было смуглое, но кости лица крупны, глаза, глубоко впавшие и широко поставленные, ярко-синие и блестящие. Это было одно из тех узких, строгих лиц, которые создала страна и требование века, с челюстью, удлиненной и выступающей почти так, как у чахоточных, смелыми бровями, сжатым, суровым ртом, худыми щеками, пересеченными линиями. Общий облик не только пронзительный и умный, но и сильный. Любопытное противоречие в этом типе американских лиц состоит в том, что почти всегда он выглядит молодо по сравнению с тем количеством лет, что потребовалось на его создание. Такие люди, особенно, если гладко выбриты – как это обыкновенно бывает – кажутся тридцати лет, если им сорок; даже в пятьдесят лет, если сохранили волосы, они не кажутся многим старше. Если рот Роша не был сжат, он мог улыбаться приветливо, тогда глаза были полны жизни и игривости. Его резкий голос американца мог взволновать до слез суд присяжных слезами, которые звучали в нем.

В эту минуту вся напряженность, на которую были способны резкие черты его лица, была сосредоточена в глазах.

– Не стану заниматься ухаживанием за вами при настоящем положении, – сказал он голосом, резким от волнения, – но я хочу, чтобы вы развелись с Давидом Больфемом и вышли за меня. Рано или поздно вы придете к этому.

– Никогда! Никогда я не буду разведенной женой. Никогда!

Его пристальный взгляд дрогнул, и он вздохнул.

– Вы это сказали так, будто бы были убеждены. Вы считаете себя мыслящей, а не переросли одного из предрассудков ваших бабушек-пуританок, которые вели себя так потому, что тогда женщин было мало и с ними обращались, пожалуй, лучше, чем теперь, а кроме того они были слишком скупы, чтобы вести бракоразводный процесс, если бы разводы где-нибудь вошли в обыкновение.

– Вы не очень любезны, – миссис Больфем резко подняла голову, достаточно возмущенная этим явным проявлением откровенного мужского взгляда. Она бы выдернула руку и ускорила шаги, но он поддерживал ее сзади.

– Я не хотел быть нелюбезным. Только вы должны быть более передовой, чем сейчас.

Я повторяю, что не собираюсь откровенно ухаживать за вами, потому что хочу, чтобы мы повенчались как можно скорее. Но я выскажу все, что считаю нужным. Долго ли вы думаете жить так, как живете теперь? С человеком, которого должны презирать и от которого переносите оскорбления. И в этой труппе.

– Вы тоже здесь живете.

– Я вернулся сюда, благодаря выгодным предложениям и потому, что восток мне нравится больше запада, но я не намерен оставаться здесь. У меня есть основания войти в одну из нью-йоркских фирм будущей весной и, раз начав эту скачку, я надеюсь выйти победителем.

– И вы хотите оседлать себя женой, на несколько лет старше вас? – спросила она с удивлением. Но снова вздрогнула и бессознательно еще замедлила шаги – до ее дома оставалось так немного.

– Мне тридцать четыре года. Сожалею, что показался вам слишком молодым, чтобы отнестись ко мне серьезно, но вы должны согласиться, что, если человек не разобрался в себе, когда он приближается к среднему возрасту – он этого не сделает никогда. Но если бы мне было только двадцать пять, это не составило бы разницы: я моментально женился бы на вас. Раньше я никогда не думал о женитьбе. Девушки меня не интересуют. Их игра слишком ясна. У меня всегда было подобие идеала, и вы олицетворяли его.

Характерно для прекрасно дисциплинированного ума миссис Больфем, что мысль об убийстве мужа, в этот исключительный и соблазнительный час, не проникла в ее сознание. Она никогда не лелеяла желания снова выйти замуж, и ее ум был не из тех, что вечно колеблются. Но ей хотелось, исключительно ради опыта, «дать себе волю». В первый раз за двадцать лет ее неудачной замужней жизни побродить по тенистой улице с человеком, который любил ее и не скрывал своей любви.

– Я бы хотела знать... Она взглянула на него, глаза вспыхнули любопытством.

– Знать, что?

– Любовь ли это?

Он резко засмеялся. – Не удивляюсь, что вы задаете этот вопрос – вы, которая знаете о любви не больше, чем знала бы женщина, изгнанная на необитаемый остров с десятилетнего возраста. Ничего, я заронил семя, оно даст росток. Думайте и думайте снова. Вы должны это сделать для меня и ради себя самой. Я знаю, что через шесть месяцев вы разведетесь с Дэвом Больфемом и мы поженимся, как только позволит закон.

– Никогда, никогда, – теперь смеялась она, и смех был полон веселого кокетства юности.

Они дошли до ворот дома Больфемов, расположенного против аллеи и большого уличного фонаря. Быстрым движением она встала позади ворот и протянула ему руку.

– Не надо больше безумств. Если бы я была молода и свободна – кто знает. Но... но... сорок два года. – Она мысленно превозмогла себя. – Теперь идите домой и подумайте о всех милых девушках, которых вы знаете, и выберите одну поскорее. Я испеку свадебный пирог.

– Неужели вы думаете, что я не знал точно вашего возраста? Это, ведь, Эльсинор. Теперь в нем пять тысяч жителей, а когда вы и я родились – от уважаемых и заметных родителей – в целом графстве Брабант их было меньше.

Он не покушался открыть ворота, но поднес ее руку к своим губам. Даже в эту исключительную минуту он отдал себе отчет, что пожалел о величине этой руки, но сейчас же резко вскинул головой и отбросил эту малодушную мысль.

– Я никогда не изменюсь, – сказал он, – а вы должны думать и думать. Теперь идите, я подожду, пока вы войдете.

– Покойной ночи. – Она пробежала дорожку, задавая себе вопрос, была ли ее высокая стройная фигура такой гибкой, какой она себя чувствовала. Зеркало часто удивляло ее, так как давало изображение, не соответствовавшее ее умственному представлению о себе. Она также не без иронии удивлялась, почему никто раньше не открыл ее очевидной прелести.

Когда она очутилась в спальне и электричество заменило мягкий свет фонаря, падавший сквозь нежные, шепчущие листья, она забыла Дуайта Роша и всех мужчин, кроме своего мужа.

Она вынула пузырек из сумочки и рассматривала его. В одну минуту ее чистый лоб сморщился; нежные, но не глубокие, большие, серые глаза, так неизменно восторгавшие, по крайней мере лиц ее пола, потемнели от недовольствия. В конце концов она могла что-нибудь перепутать. Как же обращаться с лекарством? Она напрягала память, но случайный разговор с доктором Анной, происходивший два года назад, ничего ей не давал: одну каплю в яйцо или кофе – может быть мало, большее количество – он заметит посторонний вкус.

Она вынула пробку и понюхала. Оно было без запаха, но было ли оно безвкусно?

Очевидно, иначе, как на Больфеме, не было возможности убедиться в этом немедленно. И если оно было безвкусно, то все же могло вызвать заражение крови: лицо раздуется, вены лопнут, она вспомнила отрывки из диссертации доктора Анны об «Интересных случаях». С другой стороны, одна капля может вызвать тяжелую болезнь и возбудить подозрение доктора. Она должна действовать осмотрительно. Убийство – это тонкое искусство. Те, кто предназначают себя на это и ошибаются, или следуют за жертвой или проводят остаток жизни в тюремных стенах. Тысячи, это было высчитано, разгуливают по свету вне подозрений, без страха, безмятежные и довольные, презирая неудачников и воров, так как мастера есть во всяком искусстве. Миссис Больфем гордо сознавала, что ее роль в жизни – это успех.

Оставалось только ждать. Она должна подготовить еще один уютный вечер со своим ученым другом и навести ее на разговор об яде. Ах, сама осторожность требует этого!

Она подошла к шкафчику в ванной комнате, выполоскала маленький пузырек, перелила туда драгоценную бесцветную жидкость, наполнила водой, пузырек,

взятый у Анны, и положила его снова в свой мешочек. Завтра или на днях она проникнет к ней и поставит его на обычное место. Яд она спрятала на верхней полке шкафчика в ванной.

Неохотно, так как она была быстрая, хотя и систематичная женщина, она примирилась с возможностью для Давида Больфема продолжать свое пребывание на планете, где его так мало ценили. Она легла в постель, забившись в самый отдаленный уголок, но заснула почти немедленно. И вот, когда ее рука остановилась в нерешительности, «Судьба» сделала остальное.

3

Прошло две недели, прежде чем миссис Больфем нашла случай поговорить с доктором Анной.

Цвет эльсинорского общества усвоил приятный обычай каждую субботу, после полудня, отправляться в «Загородный клуб», здание типа бунгало, с широкими верандами и большим залом в центре, с несколькими небольшими комнатами для тех, кто карты предпочитал танцам, с уединенным баром, площадкой для тенниса, которую зимой заливали для катка, с участками для гольфа.

Клуб был прелестно расположен милях в четырех от города, сзади к нему примыкали леса, а с холмов можно было бросить взгляд на серый Атлантический океан.

Молодежь, танцевавшая каждый вечер или в клубе, или по соседству в каком-нибудь семейном доме, охотно захватила бы также и большой холл бунгало, если бы не ласковый, но решительный отпор миссис Больфем. Она могла в личных отношениях недостаточно охранять гордость своего пола, но была слишком горда, чтобы позволить юношеству оттеснить людей ее поколения. У нее не было своих детей, и тонкость ее чувств бывала возмущена уступчивостью родителей и эгоизмом их отпрысков. Одним из наиболее заметных результатов ее спокойной решительности было то, что она и ее друзья пользовались всеми привилегиями «Загородного клуба», только сами этого хотели, и достаточное количество мужчин ее поколения не отдавали свое внимание исключительно бару, а любили потанцевать с женами своих соседей. Молодежь фыркала, но так

как миссис Больфем была основательницей клуба, и они все были бессильны перед ее негнущейся волей и талантливыми комбинациями, никто никогда не помышлял о восстании.

В течение этих двух недель миссис Больфем ловко поставила обратно пузырек – равнодушная ко всему Кэсси предоставила гостиную в ее полное распоряжение, пока она писала записку, напоминая Анне об обещанном списке книг и шутливо прибавляя, что у нее мало времени, чтобы тратить его на ожидание в приемной занятого врача. Правда, что теперь Анну трудно было увидеть: в окрестностях появилась эпидемия тифа и много детских заболеваний.

Таким образом, в третью субботу после прерванного ужина, когда миссис Больфем мчалась в клуб в автомобиле с женой президента эльсинорского банка, миссис Баттль, она увидела за извилами дороги, скромную циклонетку Анны. С изящными извинениями она покинула хозяйку автомобиля и вскочила в задержанную машину Анны, весело приказав ей повернуть и ехать в клуб.

– Сегодня вы отдыхаете, – заявила она непреклонно, – иначе вы обратитесь в развалину именно тогда, когда ваши больные будут наиболее нуждаться в вас. Вы и теперь уже переутомлены, и мне хочется немного побыть с вами. Я уже думала заболеть, чтобы этого добиться.

Доктор Анна посмотрела на свою подругу с выражением немой благодарности и обожания. Она на все сто процентов стоила дорожке своей спутницы, хотя за сорок лет их дружбы, ни разу не подумала об этом и смотрела на Энид Больфем, как на сверх женщину, сошедшую на землю и заблудившуюся в Эльсиноре. Даже, когда миссис Больфем занималась хозяйством, она казалась исключительной и прелестной. Ее волосы были аккуратно причесаны раньше, чем она сходила в кухню, и ее хорошенькое, ситцевое платье было наполовину закрыто белым фартуком, таким же свежим, как и ее открытые руки.

А с тех пор, как руководительница Эльсинора постигла «искусство туалета», она была так элегантна, что только слегка отличалась от женщин, рожденных блистать в высших сферах. Ее прекрасные каштановые волосы, причесанные в Нью-Йорке, заложенные красивым узлом на тонкой шее, великолепно оттеняли ее профиль. Когда только возможно, он бывал обрамлен большой шляпой с полями. Ее строгие костюмы придавали ей исключительный и благородный вид, привлекавший внимание на улицах и поездах – между Эльсинором и Нью-Йорком, а ее нарядные, белые блузки и парусиновые юбки для дома или платья

из «одного куска» для холодной погоды, были очень женственны.

На вечерних собраниях она неизменно бывала в черном, изящная отделка и скромный вырез ворота дополняли туалет.

Бедная Анна, бесспорно некрасивая, даже в юности, поклонялась красоте. Кроме того, какое-то умственное внушение, которого она совсем не сознавала, заставляло ее находить в Энид Больфем то, что она называла высшим женским идеалом. Она сама не умела быть нарядной – она вечно спешила – и спокойствие, и ясность, нежность и приветливое достоинство этого одаренного существа не только привлекали, но и успокаивали ее. Миссис Больфем принимала все, что давали ее поклонницы-женщины, ничего не давая взамен, кроме дальнейшего очарования. Она снисходила на улыбки, но никогда не склонялась.

Доктор Анна не была желанной для мужчин и видела слишком многих из них больными, в постели, чтобы не потерять романтических иллюзий. Этому другу всей своей жизни, которого годы коснулись только, чтобы улучшить, к которому никогда не болел, она отдала свою верность, подобную верности преданной собаки, и любовь, подобную той, какую некоторые типы мужчин приносят в жертву недоступной женщине. Это иногда смешило миссис Больфем, но она всегда была благосклонна. Надо признать, что она не извлекала преимуществ из слепой привязанности как Анны, так и других многочисленных поклонниц. Она была слишком горда, чтобы «эксплуатировать» людей.

Она редко обсуждала свои домашние невзгоды даже с Анной, но этот близкий друг ее угадывал, что скоро жизнь с мужем ей станет невыносима. Конечно, она была их постоянным врачом. Она выходила Больфема от нескольких гастрических заболеваний, причину которых не трудно было отыскать.

Несмотря на большую искусственность, Энид Больфем, по своей натуре, была тем, что на жаргоне наших дней называется «самкой». Уже две недели ей хотелось поговорить о Дуайте Рош. Это было подходящее время для такого невинного желания, пока не представится случая рискнуть на более крупный шаг.

– Анна, – сказала она неожиданно, когда они мчались вдоль красивой дороги, – я нравлюсь женщинам, и они так часто восторгаются мной, я довольно милостива

и моложава, какая же причина, как вы думаете, что мужчины не влюбляются в меня? Дэв говорит, что половина мужчин города путается с телефонными и телеграфными девчонками, а ведь они красивы только в самом банальном смысле.

– Энид Больфем! – доктор Анна стремилась скрыть, как она скандализована. – Вы... вы ставите себя в уровень с этими потаскушками? Что с вами? Мужчины всегда мужчины. Естественно – такие, как вы, всегда одиноки.

– Но до меня дошли более, чем слухи, о двух или трех из наших дорогих приятельниц-женщинах нашего возраста, не каких-нибудь глупых, молодых вертушек, и из нашего круга. Почему Мари Фру и Лотти Гифнинг отправляются так часто в Нью-Йорк? Дэв говорит, что женщины таких скучных, маленьких городков, как наш, отправляются не только для свиданий с любовниками, но что некоторые из них – загородной жены миллионеров или жены на один день всякого рода мужчин, у которых достаточно денег для содержания двух «учреждений». Это отвратительная среда, и я никогда не спрашивала о подробностях, но факт тот, что Мари и Лотти и некоторые другие так же окружены во время танцев, как девушки, и, я припоминаю, они болтали, что могли бы добиться и большего.

– Это страна занятых людей, – заметила доктор Анна сухо, – мужчины не станут терять времени на погоню за самой красивой женщиной, если убеждены, что тут ничего не добьешься, – заимствую классическую форму. – Юноши, подстрекаемые естественным законом, – найти подругу – будут преследовать упорную девушку, но мужчины, ищущие легкого развлечения после часов занятий, – никогда. Почему же вы? У вас вид холодный и целомудренный, как у жены Цезаря. На вас они не затратили бы и пяти минут.

– А это потому, он сказал, что я похожа на жену Цезаря.

– Энид – Анна остановила маленькую машину и повернулась к подруге; ее усталое лицо было нахмурено и сурово. – Энид Больфем, и вы позволили мужчине волочиться за вами?

– Я думаю, что нет. – миссис Больфем покачала головой и затихла. Но в тот вечер, когда я ушла от вас, мистер Рош проходил мимо и довел меня до дому. Он поразил меня, убеждая меня развестись и выйти за него замуж, но все было

очень почтительно и не походило на ухаживание.

– Надеюсь, что не походило. Вот дурень! – Но доктор Анна почувствовала необъяснимое облегчение. Ей было неприятно думать, что ее кумир мог быть вроде тех женщин, секреты которых она одна так хорошо знала. – Что же вы ответили? – с любопытством спросила она, медленно пуская в ход машину.

– Что не буду разведенкой ни за что в мире.

– А вы насколько не влюблены в него? – ревниво задала вопрос Анна.

Миссис Больфем засмеялась своим серебристым мелким беззаботным смехом. Такой смех мог быть у любой из девушек, наполнявших встречные автомобили.

– Думаю, что нет. Такой род безумия меня никогда не интересовал. Мне кажется, это льстит моему тщеславию, но тщеславие еще не есть любовь, если хорошо взглядеться.

Доктор Анна посмотрела на этот чистый профиль, на большие, холодные серые глаза и тоже засмеялась.

– Набрался храбрости, жалкий чертенок! Верно, была лунная ночь – нет, тогда луны не было. Значит, это было влияние старого «уголка любви» на нашей эльсинорской аллее. Ну, моя дорогая, если бы вы добивались любви мужчин, вы могли бы их иметь дюжинами. Ничего нет легче для красивой женщины любого возраста, как «крутить» любовь. Что же касается Роша, – она подумала и прибавила великодушно, – перед ним будущность, можно думать, и он бы мог увезти вас куда-нибудь.

– Я была бы вроде рыбы без воды везде, кроме Эльсинора. Я не обманываюсь, сорок два – года – это не молодость. Строго говоря, это уже много больше приемлемых лет, если только жизнь женщины не была полна движения и разнообразия. Я люблю Эльсинор, как кошка коврик у камина. Через час я могу быть в Нью-Йорке. Думаю, что это была бы идеальная жизнь, будь тысячи на две в год больше и... и...

– И Дэв Больфем где-нибудь подальше. Жаль, что Сэм Коммек не сделал из него странствующего представителя фирмы, вместо того, чтобы всадить его сюда.

– За всю свою жизнь он не интересовался ничем, кроме политики. Но я не очень о нем забочусь, – добавила она легкомысленно. – Я его хорошо вышколила. В конце концов он никогда дома не завтракает, не надоедает мне разговорами, скоро после обеда уходит к Элькам и засыпает немедленно, как доберется до кровати. И даже не храпит. И отлично переносит выпитое. Думаю, что нельзя ожидать большего после двадцати двух лет супружества. Я заметила, что если есть одно, то нет другого.

– Боже мой, прекрасно, но пусть бы он свернул себе шею.

– О, Анна!

– Ладно, конечно, я этого не думаю. Но я вижу часто, как умирают хорошие люди, милые дети; вероятно, я из бесчувственных. Я не искушаю судьбу желанием, чтобы на прошлой неделе он умер от тифозной лихорадки, вместо бедного Джо Мортонa, у которого остались двое детей и жена без средств...

– Вы бы дали Дэву немного бацилл в капсуле, – прервала Миссис Больфем своим шутливым тоном, но отвернув лицо. – Или того бесследного яда, который вы мне когда-то показывали. Одного пузырька было бы достаточно.

– Одной капли и того довольно! – Контральтовые тона ее голоса были унылы и мрачны. – К несчастью, я не достаточно искусна для хладнокровного убийства. Я глупая, старая утопистка, желающая, чтобы чума смела с лица земли все ненужное, и это дало бы нам возможность возродиться для красоты и новой мудрости. Впрочем, тогда мы, вероятно, до смерти надоели бы друг другу, пока первородный грех не появился бы снова. Я думаю, что нам надо поторопиться. Мне предстоит целый вечер работы.

Цвет Эльсинора состоял из двенадцати женщин, которые были в состоянии много проигрывать в бридж! Миссис Больфем, которая едва ли могла рискнуть на это, и которая была одновременно и умелой, и счастливой «бриджисткой», настаивала на умеренных ставках. Другие члены этого избранного кружка были – жены двух банкиров, жены трех поставщиков и двух маклеров, ведших дела в Нью-Йорке и проводивших ночь в Эльсиноре. Эти дамы считали долгом чести обедать в семь часов, одеваться по моде и соответственно всякому случаю посещать в Нью-Йорке все выдающееся, куда только можно было проникнуть, случайно наносить визит Европе, читать модные романы и присутствовать на симфонических концертах. Излишне добавлять, что основой общественного величия каждой из них был большой дом, пышного типа, особенно свойственного богачам старых общин – дом полу кирпичный, полу деревянный, незначительный, безличный и лишенный стиля, а также великолепный лимузин. Дом возвышался среди луга, покато к улице, не защищенного даже буксовой изгородью и не отделенного от соседних земель. Гараж, едва ли менее вычурный, чем дворец, был также обращен на улицу, чтобы его все видели. В Эльсиноре, пожалуй, нельзя было найти лошадей. Такси ожидали приезжающих на станции, а те, кто не мог себе завести роскошного автомобиля, покупали и довольствовались недорогой циклонеткой.

Миссис Больфем выделила это ядро по стратегическим соображениям, но это, конечно, не означало, что она или все другие не были олицетворенной любезностью к остальным, менее отмеченным судьбой. Действительно, нельзя было устроить развлечения в большем размере только для двенадцати семейств, в особенности, если половина из них была бездетна и список приглашенных на большие вечера, в городе с населением в пять тысяч, приближался к нескольким сотням.

Много говорило в пользу врожденного благородства этих эльсинорских богачек, читавших с одинаковым вниманием нью-йоркскую светскую хронику и известия о войне, то, что они без всякой борьбы подчинились доминирующему влиянию женщины, у которой никогда не было мотора и доходы мужа которой часто отклонялись от нормы. Но Миссис Больфем превосходила их не только в непоколебимости стремлений, но и в том, что ее семья была так же стара, как и само графство Брабант. Даубарны никогда не служили в так называемом, «кавалерийском полку», состав которого пополнялся теми избранными, которые живут в старых колониальных домах, преобразованных теперь в большие имения и распространивших свои корни и ветви в Нью-Йорк, но никто не оспаривал прав Даубарнов называться «капитанами пехоты». И у миссис Больфем, единственной представительницы по прямой линии, было два богатых

кузена в Бруклине.

Изредка, доктор Анна принимала участие в бридже, но играла она плохо и, когда в субботу у нее находилось время, чтобы провести его в «Загородном Клубе», она предпочитала, сидя в глубоком кресле, наблюдать за молодежью, танцующей и флиртующей в ожидании ужина, отличающегося своей непринужденностью. Сама она никогда не танцевала, но любила молодежь, и вид детей, превратившихся в юношей, доставлял ей острую радость старой девы.

Курносая, веснушчатая, неуклюжая школьница быстрым скачком превращалась в стройную американскую красотку, вооруженную всеми преувеличениями последней моды. Она также искренно одобряла, но по причинам гигиены, когда танцевали женщины ее поколения, даже на многолюдных вечерах, но при условии, чтобы их партнеры не были слишком молоды, а их формы слишком грузны.

Миссис Больфем и доктор Анна приехали в клуб вскоре после четырех часов. Молодежь толпилась роями везде, внутри и снаружи. На веранде сидели около двадцати почтенных матрон, вязавших для бельгийцев нескончаемые принадлежности туалета, всегда, казалось, остававшиеся на той же степени прогресса.

Миссис Больфем, которая сама ввела это обыкновение, сегодня не взяла работу и прошла прямо в карточную комнату, но ее партнеров еще не было, и она развлекла своих нетерпеливых друзей только что случившимся домашним эпизодом.

– Вы знаете, у меня немка-служанка, – говорила она, снимая мантию и садясь к столу, – славное создание и чудная работница, но медлительна и тупа до невероятия. И всё-таки, даже самая тупая крестьянка может затаить злобу. Как вы знаете по вчерашнему мучительному опыту, я прочла целые тома про войну, большинство из них – это просто насмешка над Анной, давшей мне список, – определенного анти германского направления. Однажды, когда Фрида убирала комнату, я заметила угрюмый вид, с каким она глядела на заголовок главы. Конечно, она читает по-английски, так как пробыла здесь уже несколько лет. Третьего дня, когда я вязала, она спросила, для кого это – и я, конечно, не скрыла, что для бельгийцев. Тогда она рычащим голосом задала вопрос, почему я не делаю этого для бездомных жителей восточной Пруссии, кажется она сама

оттуда и недавно получила письма, с описанием всех ужасов. Я редко вступаю в разговоры с прислугой, так как в нашей стране мы не должны допускать малейшей фамильярности, если хотим, чтобы они работали. Но так как она насупилась и видимо желала, чтобы в тот момент надо мной разорвалась шрапнель, и так как она уже третья за пять последних месяцев, я сказала в примирительном тоне, что корреспонденты обращают мало внимания на восточный театр войны, но так истерзали наши чувства Бельгией, что мы считаем себя обязанными сделать, что можем. Потом я ее просила – действительно мне хотелось узнать – неужели ей не жаль эти тысячи страдающих женщин и детей только потому, что они жертвы Германии. У нее большое, кроткое лицо, с толстыми губами, маленькими глазами и едва заметным носом – обыкновенно такие лица не могут быть выразительными. Но когда я задала ей этот вопрос, ее лицо вдруг окаменело – не скажу в своей жестокости, но в своем отрицании всякой человеческой симпатии. Без единого слова она потащилась, извините за выражение, прочь из комнаты. А завтрак в этот день был сожжен, и я должна была приготовить другой для бедного Давида – и знаю, она это сделала нарочно. Боюсь, что придется ее отправить.

– Я бы так и сделала, – мудро сказала миссис Баттль. – Она, вероятно, шпионка и, конечно, очень умна.

– Да, но какая работница, – сказала миссис Больфем со вздохом, – а так как она у меня одна...

Запоздавшие любительницы бриджа суетливо вошли, и игра началась.

5

Было около шести часов, когда миссис Больфем, упорно проигрывавшая, – что было необычно – с сосредоточенным и внимательным лицом, окаменевшим, как и у других играющих, подобно изваяниям, открытым в Египте, тяжело дышавшая – начала смутно сознавать, что в зале происходит какое-то смятение. Молодежь танцевала, как всегда, перед ужином, но рояль и скрипка, казалось, стремились заглушить грубое вмешательство мужского голоса. Только теперь действительность привлекла к себе сосредоточенное внимание миссис Больфем, она вдруг заметила, что все играющие перестали смотреть в карты и

прислушивались к происходящему за дверью. Тогда она узнала голос своего мужа.

На минуту у нее захватило дыхание и пробежал озноб. С некоторых пор она предчувствовала возможность публичной сцены, но предполагала, что она произойдет когда-нибудь вечером у знакомых, где они иногда бывали вместе. Клуб он уже давно не посещал – там было слишком тихо для его шумных склонностей. В последний месяц ей стала очевидна какая-то враждебность в его отношениях к ней, как будто он вдруг разгадал ее скрытое отвращение, и все его мужское тщеславие возмутилось. Как женщина почти исключительной тактичности, все двадцать два года ее замужней жизни она подгоняла это тщеславие тонкой лестью, но рессоры вдруг оказались без смазки в то самое утро, когда она высказала простое и естественное желание перенести наверх свою спальню.

А теперь он пришел сюда, чтобы устроить ей скандал, – сразу пронеслось в ее сознании, чтобы сделать ее посмешищем и погубить ее общественное положение. Это, конечно, и его вовлекло бы в неприятности, но, когда человек и пьян, и разозлен, он становится непредусмотрительным, а месть так сладка.

Только еще вчера вечером произошла очень неприятная семейная сцена. Строго говоря, она держалась с достоинством и легким презрением, тогда как он кричал, что ее вязанье действует ему на нервы, а все эти книги о войне доведут его до болезни. Когда вся жизнь остановилась из-за этой проклятой войны, то человеку хочется забыть о ней, придя домой. А тут, прости господи, новая беда; жена, вместо того, чтобы заботиться о его носках, впуталась во все эти вязанья. А её старание представить себя такой умной в делах, касающихся одних только мужчин! Мистер Больфем всегда злобствовал против клуба и всяких разговоров об избирательных правах женщин, думая, что это отстранит его и ему подобных от политики. Свой интерес к войне они проявляли не иначе, как в виде жестоких оскорблений противников.

Миссис Больфем была женщиной ясной мысли и твердых решений, а по своей нравственной силе была, действительно, женщиной высшего порядка и потому испугалась только на мгновение. Она положила карты, открыла дверь и вышла в главный зал клуба. Тут она увидела, у входа в зал, группу мужчин, окружавших ее мужа; все, кроме одного, были столь же возбуждены, как и он. Исключение составлял Дуайт Рош, рука которого лежала на плече Больфема; он, казалось, в чем-то убеждал его тихим голосом. Маленькая Мод Баттль бросилась ей

навстречу и схватила за руку.

– О, дорогая миссис Больфем, пожалуйста, уведите его домой, он такой странный. Он оттащил трех девочек от танцоров, и те взбешены. А его выражения – о, это что-то ужасное!

Дамы и девушки собрались в группу, все, кроме Алисы Кромлей, которая рисовала, как это смутно заметила миссис Больфем. Все взоры приковала группа у входа в зал, где теперь Рош старался подтолкнуть к дверям дородную, покачивавшуюся фигуру Больфема.

Миссис Больфем направилась прямо к своему возбужденному и разъяренному супругу.

– Вы плохо себя чувствуете, Давид, – сказала она решительно. – За все время нашей совместной жизни вы не позволяли себе ничего подобного; у вас, вероятно, начинается тифозная лихорадка.

– К чёрту тифозную лихорадку! – закричал Больфем. – Напился – и всё тут. И еще больше напьюсь, если они меня пустят в бар. Пустите меня, вы!

Миссис Больфем обернулась к доктору Анне, которая прошла с ней через зал. – Я уверена – это лихорадка, – решительно сказала она, и преданная Анна благоразумно кивнула головой. – Вы знаете, как напитки на него действуют. Надо отправить его домой.

– Хо, хо! – издевался Больфем. – Это вы-то отправите меня домой? Я не настолько пьян, чтобы не видеть, как это смешно. Дело в том, что вы думаете, будто я вас унижаю, а вы хотите быть главной наседкой этого курятника. Ладно, мне уже опротивело все это и надоело обедать вне дома, когда вы на своих утренниках или в этом проклятом женском клубе. Дом – вот место для женщины. Вязанье – вот ваше дело! Он громогласно захохотал. – Да, сидите дома у камина и вяжите носки своему мужу. Если хотите, можете выкурить трубку. Это то, что делала моя бабка. У всех вас, сколько вас есть, не наберется достаточно мозгов, чтобы поместить в голову одного мужчины, а кричите – долой президента Соединенных Штатов!

Он хотел пуститься в обсуждение нравов эльсинорского общества, когда отрывистый кашель прервал его. Миссис Больфем повернулась спиной с великолепным жестом презрения, хотя лицо ее было багрового цвета.

– Соревнование полов – вопрос, о котором мы так часто спорили. – Ее ясный голос наполнил всю комнату. – Его непременно надо отвезти домой. – Она взглянула на Дуайта Роша и сказала приветливо: – Я уверена, он пойдет с вами. А когда снова станет нормальным, извинится перед Клубом. Возвратимся к нашей игре.

Высоко подняв голову, она легко прошла длинный зал, но рот был судорожно сжат, ноздри расширились, а взгляд прищуренных глаз был неподвижен и горел.

Непредвиденные обстоятельства раздули в пожар гневный огонь где-то в глубине ее, и она была не в состоянии погасить его так скоро, как бы хотела. К величайшему изумлению ее партнерш в бридж, последовавших за ней в зал и обратно, она упала на стул и разразилась слезами. Она тихо плакала, закрывшись носовым платком, но скоро справилась со своим голосом.

– Он опозорил меня, – горестно воскликнула она, – я должна выйти из состава членов клуба.

– Ну, что вы, конечно, нет. – Дамы с сочувствием толпились вокруг нее. – Мы все будем отстаивать вас, вскричала миссис Баттль, – и мужчины также. Они переговорят с ним, он письменно извинится, и всему конец.

Эти приятельницы, старые и помоложе, были смущены, проявляя свою неподдельную симпатию, так как ни одной из них до сих пор не приходилось видеть миссис Больфем плачущей. Бессознательно они жалели об этом! Как бы ни были исключительны обстоятельства, она все же снизошла до обыкновенного женского уровня. Казалось, что сейчас они присутствуют при начале новой главы в жизни миссис Больфем из Эльсинора; да так это и было в действительности.

Миссис Больфем высморкалась. – Простите, – сказала она, – никогда не думала, что это на меня так подействует, но-но... – Снова она стиснула зубы, и глаза ее загорелись. – У меня так болит голова, я должна уйти домой, не могу доиграть.

– Я отвезу вас, – сказала Анна. – О, это животное!

Остальные дамы поцеловали миссис Больфем, поправили на ней шляпу и проводили ее к боковому подъезду, куда доктор Анна подала свой автомобиль. Миссис Больфем устало улыбалась и притрагивалась пальцами к вискам. Как только экипаж выехал из усадьбы, и никто не мог их видеть, она бросила дальнейшие попытки сдержаться и излила все сокровенное единственному человеку, кому могла вполне довериться. Она рассказала доктору весь скрытый ужас своей жизни, свою ненависть и отвращение к Давиду Больфему, словом все, кроме решения убить его, о чем она совсем забыла под влиянием нового возбуждения, овладевшего ее нервами.

Доктор Анна, слышавшая много подобных исповедей, но упорно надеявшаяся, что в семье ее друга все обстояло не так плохо, как казалось при поверхностном взгляде, была рада, что она правит машиной, а не лошадью: как бы она ни была человечна, она была готова забыться и хлестать животное, чтобы дать выход своим чувствам.

– Вы должны развестись, – процедила она сквозь зубы. – Действительно, вы должны, я видела, как Рош на вас смотрел. Нельзя ошибиться, когда мужчина так смотрит. Вы должны, вы должны развестись с этим животным.

– Нет, не стану. – Спокойствие вдруг вернулось к миссис Больфем. – И пожалуйста, забудьте, что я не выдержала и говорила все это. – Она спрашивала себя, что именно сказала. – Знаю, мне нечего просить вас не вспоминать сказанного. Но развод, о, нет! Если я буду продолжать жить с ним, все будут меня жалеть, будут на моей стороне. Но если я разведусь, я буду одной из разведенных – не больше. Эльсинор не Нью-Порт. Кроме того, они почувствуют, что я больше не нуждаюсь в их сочувствии, и настанет время, когда они преспокойно покинут меня.

– Ваши доказательства не очень убедительны, сказала Анна, – вы могли бы выйти замуж за Роша и уехать в Нью-Йорк.

– Но вы ведь знаете, я говорю то, что думаю. Дорогая Анна, я не забочусь об этом. – Она нагнулась к удивленной докторше и нежно ее поцеловала. – И, хотя это и неубедительно, вы знаете, что я так думаю. Не заботьтесь обо мне. Я имею теперь нужное оправдание, куплю обстановку из вторых рук, устроюсь в одной

из старых спален и там буду жить. Он не посмеет слова сказать после происшедшего и будет достаточно покорен, так как мужчины заставят его извиниться перед Клубом. Я стану угрожать ему разводом, и это одно заставит его присмиреть – выдать мне часть по разводу стоило бы гораздо дороже, чем продолжать жить по-прежнему.

– Это не довод, способный повлиять на человека, всегда находящегося в опьянении. Но женщина, что это за странная скотинка. Развод – великое дело и благодетельное установление и вот, вы предпочитаете жизнь под одной крышей с животным. О, да, вы сами себя хороните... Вот, мы и приехали. Мне надо спешить к своей медицине. Думаю, что каждую минуту меня могут вызвать к Хаустонам. Роды. Покойной ночи.

6

Миссис Больфем вошла в неосвещенный дом – суббота был день отпуска Фриды.

Вопреки своим экономическим привычкам, она безрассудно осветила весь нижний этаж и раскрыла окна. Она чувствовала непреодолимое желание света и воздуха. Но так как она хотела обдумать и сообразить все, с присущей ей ясностью мысли, а кровь все еще стучала в висках, она прежде всего пошла в кладовую на поиски еды.

Завтра воскресенье, а субботний завтрак всегда состоял из остатков обеда в пятницу. По субботам она обедала в клубе. Поэтому она не нашла ничего, кроме сухого хлеба и коробки сардин, для осуществления своего продуманного научного опыта. Она уже открыла этот деликатес, когда у парадной двери зазвонил звонок.

Ее лицо нахмурилось, но она быстро пошла к двери. В конце концов, яд можно отложить, а надо приготовить себе безупречное алиби. Она уже подумала относительно головной боли и в десять часов, когда она знала, что многие из ее бездетных приятельниц будут дома, предполагала телефонировать им, чтобы приветливо и весело поблагодарить их. Когда, тем не менее, она увидела на подъезде Дуайта Роша, она едва не захлопнула перед ним дверь.

– Впустите меня, – потребовал он.

– Нет, – она говорила с нежной суровостью, – не впусцу. После такой сцены. Да я должна быть более осмотрительна, чем когда-либо. Лучше уходите. Хоть я, по крайней мере, буду вне упреков.

– Ох, – он подавил естественное проявление мужского раздражения. – Если вы не хотите меня впустить, я и здесь скажу, что хотел. Разведетесь ли вы с этим животным и выйдете ли за меня? У меня дюжины поводов, чтобы добиться развода для вас.

– Я не разведусь ни теперь, ни когда-либо. – Миссис Больфем из Эльсинора говорила с надменной непреклонностью. – Само слово мне противно. Потом она добавила приветливо: – Но только не думайте, что я не чувствительна к вашей доброте. А теперь уходите. Гифнинги живут на углу и всегда рано возвращаются домой.

– Многие ушли, включая и Больфема; он испортил вечер. – Рош взглянул на нее и скрипнул зубами. – Клянусь небом, я хотел бы возврата времен старых дуэлей, я бы его вызвал. Если вы скажете хоть слово, я затею с ним ссору по любому поводу. Он носит оружие, и во всем графстве Брабант не найдется суда, который не оправдал бы меня под предлогом самозащиты, а моя совесть терзала бы меня не больше, чем если бы я убил бешеную собаку.

Миссис Больфем что-то пролепетала, что ему ошибочно показалось выражением ужаса. Ею овладело искушение – почему нет? Удобный случай для нее самой, может быть, не скоро представится. Будет совсем в духе Давида Больфема уехать сегодня же ночью на целый месяц. Но соблазн быстро рассеялся. Человеческая натура слишком сложна, чтобы простой смертный мог привести ее к одному знаменателю. Хотя она, без угрызений, решила по-своему расправиться с мужем, ее совесть возмущалась при мысли втянуть в убийство такого честного гражданина, как Дуайт Рош.

Она захлопнула дверь, зная, что ни один словесный отказ принять подобное предложение не будет более красноречив, и он начал медленно спускаться по лестнице. Но в следующий миг взбежал снова, прошел веранду и просунул голову в одно из открытых окон.

– Только одну минутку.

Она входила в гостиную и остановилась.

– Обещайте, что пошлете за мной, если у вас будет какое-либо затруднение. Ни за кем другим, только за мной. Вы должны обещать хоть это.

– Хорошо, я обещаю, – сказала она более мягко и с улыбкой.

– И закройте окна – не безопасно держать их открытыми в такой час.

– Я думала закрыть их, уходя на верх. Может быть, вы это поймете, весь дом казался мне пропитанным запахом табака и виски – его запахом.

Его ответ нельзя было расслышать, но он с яростью захлопнул окно, которое она заперла; она же улыбнулась, гася свет.

Вернувшись в столовую, она с отвращением подумала о еде, но решила поесть, чтобы все пришло в норму. Ей не хотелось говорить с мужем, если он вернется, так как она решила спать наверху, в комнате для шитья, и запереть дверь; но лучше всего уравновесить мысли и чувства, поговорив с приятельницами по телефону.

В это время телефон зазвонил, она сначала нахмурилась, но ответила на звонок так же поспешно, как открыла дверь Рошу. К ее изумлению, это был голос ее мужа.

– Вот что, – говорил заплетающийся голос, сожалею. Обещаю не пить больше целый месяц, сожалею также, должен зайти домой на несколько минут. Намеревался не возвращаться сегодня. Думал дать вам время прийти в себя, представляю себе, что вы взбешены, так как, догадываюсь, вы на это имеете право. Но мне надо быть в Альбани – политические дела – уговорился на сегодня вечером.

Должен зайти домой за вещами. Вы вы не захотите их уложить? Да? Тогда я пробуду недолго. Только соберу все необходимые бумаги.

Миссис Больфем ответила тем прежним, тоном жены, который иногда заставлял его стискивать зубы. – Я никогда не считала человека, в вашем состоянии, ответственным за свои поступки. Конечно, я уложу ваши вещи. Что еще? Приготовлю вам стакан лимонада с ароматическим аммонием. Вам надо протрезвиться до отъезда.

– Замечательно. Это рекорд. Добавьте туда еще бромиду. Я у Сэма и, вероятно, пойду пешком, так как нуждаюсь в свежем воздухе. Вы только продолжайте в этом роде, и я привезу вам что-нибудь красивое из Альбани.

– Мне хочется такую сумочку из модного шифона-вельвета, не привезете ли ее из Нью-Йорка? – деловито сказала она. – Я точно опишу, что мне надо, вложу в ящик с вещами.

– Отлично, приступайте. – В его голосе слышалось глубокое успокоение, и хотя ее ум работал молниеносной быстротой, а глаза слабо мерцали, она презрительно усмехнулась ребячеству мужчины, когда повесила телефонную трубку. Приготовив стакан лимонаду, она прибавила должное количество аммония и бромида – обе бутылки стояли в буфете для постоянного употребления, затем побежала наверх и вернулась с бесцветной жидкостью, похищенной из шкапчика Анны.

Ее ученый друг заявил, что довольно и одной капли, но так как она была только женщина, то удвоила дозу – для верности – и поставила стакан демонстративно по середине стола. Полуоткрытая коробка сардинок и хлеб были совсем забыты, и она снова взбежала наверх, на этот раз, чтобы уложить платье, которое уже не могло ему пригодиться.

Она проделала эту обязанность жены тщательно, не забыв ничего, даже того тонического средства для укрепления волос, которое он втирал в лысеющий череп, даже желудочных таблеток, коричневых перчаток и детективного романа. После этого подробно описала модную сумочку, которую так хотела иметь, и записку приколола к его обеденному костюму. Это было ее алиби.

Когда она упаковала все, затянула ремнем и отнесла вниз в столовую, то, вернувшись в свою комнату, заперла дверь. Теперь она созналась, что продлила эти обычные обязанности ради успокоения нервов. Эти вечные мятежники человеческой природы были усмирены, но не были покорены окончательно, и это

раздражало ее. Она не боялась, что не будет на должной высоте, когда услышит, как внизу, в столовой, грузно упадет ее мертвый муж. Во всех случаях жизни, была ли она сравнительно подготовлена или они застигали ее врасплох, она бывала хозяином положения. Но ждать, пока свершится предвиденное, было пыткой, и нервы издевались над ее волей. Ряд картин настойчиво осаждал ее мозг снова и снова: своим внутренним взором она видела мужа, идущего нетвердыми шагами вдоль улицы. Вот он распахнул ворота, вызывающе хлопнул ими и вставил ключ в дверь. Она видела его глаза, повернутые к освещенной столовой, в конце темной прихожей. Видела, как он пил лимонад, как он опустился на пол со стуком, потрясшим дом. Она видела себя, бегущей вниз, произносящей его имя. Видела, как она разбивала стакан о пол, бежала, как безумная через улицу к Гифнингам... и опять, и опять все начиналось снова...

Она ходила по комнате. Чтобы дать другое направление мыслям, она решила проследить, когда он придет, и, загасив свет, отдернула штору. И сейчас же затаила дыхание. Ее комната была угловая и выходила не только на главный подъезд, ведущий на Эльсинорское Авеню, но и в поле, налево; там была большая роща из старых кленов, где летом, одетая в белое, она провела не мало приятных часов, сидя с книжкой, или окруженная своими друзьями. Деревья, с их низкими, толстыми ветвями, еще одетыми листвой, бросали густую тень, но ее взгляд, бессознательно покинувший пустую улицу, вдруг различил черную тень, двигавшуюся в этой черной, тяжелой полосе мрака.

Она упорно наблюдала. Фигура, без сомнения, перебегала от дерева к дереву, как бы выбирая защищенные места или обеспокоенная какой-то непонятной причиной. Мог ли это быть ее муж, набиравшийся храбрости, прежде чем войти в дом и взглянуть на нее? Она знала, что он бывал в подобном настроении, но отбросила это предположение – он заключил по тону ее голоса, что она была не только измучена, но и настроена очень мирно, и было более вероятно, что он появится на Авеню, шумно напевая одну из своих излюбленных песен. Она представила себе его голос.

Фрида никогда не возвращалась раньше полуночи, и, хотя она входила через черный ход и тихо поднималась по лестнице, она нисколько не стеснялась, если ее видели.

Значит это взломщик.

Не могло быть более желанной диверсии. Миссис Больфем вдруг сделалась спокойной и решительной. Это было противоядие для взбунтовавшихся нервов, с жадностью ожидавших, как пиршества, этого незаконного поступка. Такого взломщика можно посоветовать первоклассному любителю-убийце.

Миссис Больфем набросила свое тяжелое, автомобильное пальто, обернула голову и лицо темной вуалью, переложила свой револьвер из ящика стола в карман и проскользнула бесшумно вниз по лестнице. Она вышла из дома через кухню и, обогнув кухню, стояла тихо, пока ее глаза привыкли к темноте. Тогда она еще раз увидела движущуюся тень. Она не решилась пересечь луг прямо от дома к роще, а сделала большой обход позади дома, идя все время по траве, чтобы не шуметь.

В две-три минуты она достигла рощи; тень появилась снова, но было невозможно определить ни возраста, ни пола, хотя по резкому и тяжелому дыханию она заключила, что предполагаемый вор был мужчина:

Он, казалось, искусно пробирался к дому, без сомнения намереваясь открыть одно из окон внизу; и она стала подкрадываться к нему с вновь пробудившимся инстинктом; ноздри ее расширились. Принятое ею решение убить мужа не взволновало ее, и даже объяснение в любви Дуайта Роша тронуло только слегка, но эта ночная авантюра, это преследование вора с целью смело приказать ему – руки вверх – тотчас разбудило в ней эмоциональные силы высокого напряжения.

И вдруг она услышала голос своего мужа. Он приближался к Эльсинорскому Авеню по одной из прилегающих улиц и распевал с перерывами, вызванными физиологическими причинами, Типперэри[1 - Патриотическая военная песенка, очень модная во время мировой войны.], песню, введенную им в обращение за последнее время, с целью досаждать своему политическому противнику, американцу немецкого происхождения, и устрашать симпатизирующих Германии. Он шел быстро, как иногда идут подвыпившие люди. Она отступила назад и пригнулась. Обнаружить свое присутствие – значит привлечь к вору внимание мужа и удержать обреченную жертву от напитка в столовой.

Она увидела, как тень скрылась за деревом. Больфем почти неожиданно показался в свете уличного фонаря, напротив своих ворот. И тогда – ей казалось, что уже целую жизнь она не может вздохнуть – прежде, чем ее уши были оглушены резким выстрелом, ее глаза были ослеплены вспышкой света, и раньше, чем она услышала, как Больфем издал странный звук – не то стон, не то

икоту, – она увидела, как он схватился за ворот, а потом упал на землю. Она почти не сознавала, что бежит, и еще меньше сознавала, что бежит еще кто-то другой через сад, по направлению к задней ограде.

Много часов спустя, как ей показалось, она заперла дверь в кухне. В ее уме, настолько дисциплинированном в обычной жизни, что он редко направлял ее на ошибочное действие, произошло что-то удивительное.

Она должна была сейчас же бежать к своему мужу, а вот она дома, снова напряженно слушает.

Какой-то звук в кухне привел ее в себя. Она прошла к выходу на заднюю лестницу и резко крикнула:

– Фрида! – Ответа не было.

– Фрида, – снова позвала она. – Разве вы ничего не слышали? Мне кажется, кто-то пытался открыть эту дверь.

Ответа снова не было.

Тогда она усмехнулась своему предположению о возможности возвращения Фриды в субботу в восемь часов вечера, быстро прошла в столовую и вернулась в кухню со стаканом лимонада, вылила его и, основательно выполоскав стакан, отнесла его прочь.

Только придя в свою комнату, она подумала, что ей надо было удостовериться, находится ли ключ от входной двери в кухню с внутренней стороны.

Но это была только лишь мимолетная мысль. Внизу, у ворот, уже слышались громкие, возбужденные голоса. В одну секунду она сняла и повесила свое автомобильное пальто, переменила платье на халатик, распустила волосы и распахнула окно.

– Что случилось? – Ее голос звучал решительно, но испуганно.

– Много чего случилось, – голос Гифнинга был суров и прерывался. – Не ходите сюда. Скажите, вы не слышали выстрела?

Двое или трое бежали по направлению к дому. Один из них остановился под ее окном, поднял голову и неопределенно помахал рукой.

– Выстрел, выстрел... Я слышала – так часто лопаются шины... Что вы хотите сказать? Что это? Кто?

– Вот следователь, – закричал кто-то из стоявших у ворот.

– Следователь?..

Она побежала вниз, распахнула входную дверь и стремительно бросилась к воротам, ее волосы рассыпались по спине.

– Кто это, кто? – твердила она.

– Ну, ну... – мистер Гифнинг остановил ее и сильно сдавил ей плечо. Вы не ходите туда и не...

Она надменно подняла голову.

– Я не истеричная женщина. Кого убили у моих ворот?

– Хорошо, – пробормотал Гифнинг, я думаю, вам надо узнать – это бедный, старый Дэв.

Миссис Больфем стала еще более надменной и минуту стояла без движения; тогда следователь, один из друзей ее мужа, приблизился и тихо сказал:

– Уведите ее вверх. Мы понесем его, он кончился – это факт. – Мистер Гифнинг слегка подталкивал ее вдоль дорожки в то время, как остальные поднимали согнутое тело и медленно топтались сзади. – Идите-ка к себе и поплачьте как следует, – сказал он, я протелефонирую Коммекам. Думаю, что это должно было случиться. В Добтоне за последнее время разгорелись страсти.

– Вы думаете, это преднамеренное убийство?

– Похоже на то. Очевидно, это не самоубийство. Проклятая собака спряталась в роще. Конечно, он уже удрал, но мы его найдем всё-таки.

Миссис Больфем медленно поднималась по лестнице с опущенной головой, в то время как тяжелая, недвижимая масса, так ненавистная ей и за последнее время его политическим противникам, была положена на диван в гостиной, модернизация которой так его раздражала.

Мистер Гифнинг телефонировал шурину убитого, полиции и гробовщику.

Миссис Больфем сидела, ожидая неизбежной бомбардировки ее дома ее ближайшими приятельницами. Уже резкие ноты примешивались к низким голосам мужчин на лугу и в аллее. Новость, как пламя пожара, перебрасывалась с одного конца Эльсинора на другой.

7

У миссис Больфем, в ее тихой спальне, сидели миссис Баттль, миссис Гифнинг, миссис Фрю, ее невестка миссис Коммек и некоторые другие ее друзья. Прошел уже час со смерти Давида Больфема, и уже седьмой раз она рассказывала историю укладывания чемодана мужа, его доставки вниз, своего возвращения наверх, раздевания и, наконец, шума и суеты у ворот. Да, она слышала выстрел, но Эльсинорское Авеню – вечные автомобили, лопающиеся шины – в тот момент, естественно, это ничего не говорило ей. Нет, она не вскрикнула или, если даже и вскрикнула, окно у нее было закрыто. На ночь она оставляла открытым только боковое окно.

Она взяла от миссис Баттль протянутый ей пузыречек с солью, но сидела совершенно прямо, с окаменевшим и замороженным видом. Ее голос, без выражения, устало повторял немногие факты, могущие удовлетворить любопытство ее сочувствующих друзей, и так же устало она слушала Лотти Гифнинг, повторявшую свой рассказ: так как ночь была теплее, чем обыкновенно, она, ее муж и два их приятеля, с которыми они вернулись вместе

на автомобиле, посидели недолго у ворот. Они слышали, как Дэв, напевая, возвращался по Даубарнской улице, а две-три минуты спустя – выстрел. Конечно, мужчины сейчас же побежали, но она от страха не могла двинуться. Один из мужчин поспешил к следователю.

Поведение миссис Больфем было именно таким, какого могли желать все эти сочувствующие приятельницы. Хотя они сами и пользовались слезами, как проявлением волнения, но были успокоены и благодарны, что «их миссис Больфем» не была похожа на остальных женщин. Они все еще жалели о ее слабости тогда, в клубе, хотя трогательно сознавали, что тем более любили ее. И если им хотелось слез, то Полли Коммек проливала их в изобилии, упрекая себя теперь в полном пренебрежении к брату.

Снизу из дома и снаружи доносился сдержанный шум голосов. Полиция приехала в автомобиле, возмущенная, и сейчас же изгнала из усадьбы всех любителей – сыщиков. Раздраженные голоса вопрошали, как надеются эти патентованные дураки найти следы действительного убийцы после таких идиотских поступков.

Миссис Больфем печально покачала головой.

– Они ничего не найдут, – сказала она. – Если бы я только знала, я могла бы сказать, чтобы все ушли со двора.

– Вот, кто бы это мог быть? – миссис Баттль короткая, полная и затянутая до колен, проковыляла к окну и высунулась, когда на Авеню показались два автомобиля, обгоняя один другого. Они остановились у ворот и сейчас же миссис Баттль объявила: «Нью-йоркские журналисты».

– Так скоро, – миссис Больфем взглянула на часы, но подавила зевоту. – Как, прошел всего только час?

– Не пройдет года, и они станут прилетать на бипланах. Вот, если наши бедные, старые полицейские олухи не откопают убийцу, эти добьются. Это премированные ищейки. Они найдут чутьем или выткнут из собственного мозга, как паук тклет паутину из своего маленького животика.

– Сэм уверяет, – прервала миссис Коммек, – что это старый голландец. Он уже поехал в Добтон с констеблем.

Добтон, местечко в графстве и центр политической деятельности восточного Брабанта, тесно связанный с различными «городами» при помощи телефонов и автобусов, был местом жительства мистера Конрада Крауса, попросту называемого «Старый Голландец». Его квартира примыкала к процветавшему салуну, который был штаб-квартирой республиканцев графства. Давид Больфем покровительствовал – слухи ходили, что финансировал – салун одного американца, Эрина.

Влетел еще один автомобиль.

– Кажется, Сэм. Да, это он, – воскликнула миссис Баттль.

Через несколько минут Коммек появился на пороге.

Ничего не поделаешь, – угрюмо сказал он. – «Старый Голландец» предъявил великолепное алиби – стоял за прилавком бара с шести часов. Теперь наше дело отыскать наемного убийцу, мы следим и за другими. У бедного Дэва были свои враги, конечно.

Он подождал и испытующе посмотрел на свою усталую, но героическую невестку. Его свирепое лицо, с усами, торчавшими, как у моржа, которого он привез с севера, было покрыто не только пылью, но и маленькими сырыми островками, оставленными непрошенными слезами.

С той тонкой симпатией и пониманием недостатков другого мужчины, которое превосходит то, что может чувствовать женщина, он любил своего несовершенного друга, но питал к невестке глубокое восхищение, хотя все же не мог полюбить ее и не претендовал понять. Тем не менее, как и все, он знал всё, что в ней было показного, и был бы глубоко разочарован, если бы в этот час испытаний она вела себя иначе, чем в присутствии ей высоком стиле. Энид Больфем была почти легендарной личностью Эльсинора и теперь могла замкнуться в эту легендарность, как в неприступную крепость.

– Скажите, Энид, – произнес он нерешительно, – там эти репортеры – парни приехали из Нью-Йорка, местные, конечно, не решились бы просить – они хотят

вас повидать. Что вы на это скажете?

Миссис Больфем повернула свою надменную головку и с ледяным презрением взглянула на него.

- Они помешались. Или, может быть, вы.

- Хорошо, они на это иначе смотрят. Вот, видите, для них важно ежедневно утром дать один-два столбца для газет, и не может быть ничего лучше, как новое таинственное убийство. Пока они знают только голый факт, что бедный Дэв был застрелен у своих ворот, вероятно кем-то, кто скрывался в роще. Интервью с обездоленной вдовой, это будет как раз то, что они называют «сенсационной историей».

- Скажите им, чтобы сейчас же уходили.

Она откинулась на стул и закрыла глаза. Миссис Гифнинг подлетела с нюхательной солью.

- Лучше повидайте их, - настаивал Коммек. Пока вы этого не сделаете, они будут осаждать дом. Такой случай, это их конек. Уже месяцы не было «подходящего» убийства, интересного во всех отношениях, и всем так надоела война. В утренних газетах немцы берут траншею, а в вечерних теряют ее.

- Сэм Коммек, как можете вы шутить в такую минуту.

Его жена подбежала и хотела вытолкать его из комнаты, остальные дамы поднялись и смотрели на него с явным негодованием. И вдруг миссис Коммек обвила его руками и стала поглаживать по голове: мистер Коммек плакал и рукавом вытирал слезы.

- Бедный, старый Дэв, - шептал он, меня так это поразило. Но я еще найду гнусного пса, который убил его, уничтожу его до основания, если бы это стоило мне даже последнего моего цента.

Миссис Больфем встала, подошла к нему и дотронулась до его плеча.

– Я никогда бы не могла подумать, Сэм, что Вы так глубоко чувствуете, нежно произнесла она. – Уверена, что трусливый убийца будет найден и в этом будет ваша заслуга. Отправьте прочь этих сумасшедших репортеров.

Мистер Коммек покачал головой.

– Это так же возможно, как отозвать полицию. Они день и ночь будут бродить здесь, пока убийца не будет в тюрьме, в Добтоне. И вот, так как они знают, что публика желает их интервью с вдовой... Лучше примите их, Энид.

– Нет. – миссис Больфем дотронулась рукой до головы и покачнулась. – О, как я устала, как устала. Что за день. Как бы я хотела, чтобы здесь была Анна!

Три женщины подхватили ее и усадили в кресло.

– Анна, повторила она снова, – мне надо что-нибудь усыпляющее.

– Я вызову ее, – охотно предложила миссис Гиф.

– Надеюсь, она дома.

– Она должна была ехать на ферму к Хаустонам, – прервала миссис Коммек. – Она заезжала к нам по дороге туда – у Самми бронхит.

Миссис Гифнинг, такая взволнованная, какой следовало бы быть вдове, побежала вниз к телефону, гордая высоким назначением: ужаснуть доктора Анну, занятую как всегда, беспрестанной борьбой за жизнь.

– Пока не приедет Анна, я останусь с Энид, – сказала миссис Коммек, – ее лучше не беспокоить. Может быть, одна из вас приготовит кофе для тех, кто дежурит внизу?

– Фрида уже это делает, – сказал мистер Коммек. – Они все в столовой.

Миссис Больфем оставила свое убежище в объятиях миссис Коммек и выпрямилась.

– Фрида? Это же ее выходной вечер?

– Она улеглась в постель из-за зубной боли, но я вытащил ее оттуда. Хорошо, значит, я отправлю молодцов прочь до завтра, но тогда уже решитесь принять их.

Он ушел, и когда Миссис Больфем осталась одна со своей невесткой, которую она никогда не допускала в священный круг избранных, но которая была милой, всепрощающей натурой, она нежно улыбнулась ей.

– Не бойтесь, что я не выдержу, – сказала она, – но эти дамы действуют на мои нервы. Так мило с вашей стороны, что вы остались до приезда Анны. Все так ужасно и случилось так быстро после происшествия в клубе. Благодарю небо, что не позволила себе быть с ним суровой, и даже, когда он говорил со мной по телефону о своем отъезде, я не была с ним резка; никогда я не предъявляю строгих требований к подвыпившему человеку.

– Не терзайте себя. Он был мой брат, но я, конечно, знаю, что это был за волокита. Не будь он моим братом, пожалуй, я бы сказала, что мы не стали бы вас очень осуждать, если бы это вы сами всадили в него порцию свинца.

Миссис Больфем подняла изумленные глаза. Но сию же минуту усталая улыбка, как тень, промелькнула на ее решительных губах, и она спросила почти весело:

– Значит, вы допускаете истребление провинившихся мужей?

– Ну, да, конечно, я сама не так храбра, даже, если бы Сэм не был таким хорошим, – право, он очень скромный для мужчины – но даже здесь, в Эльсиноре, мало мужчин... Ну, да, если бы жены угощали их серной кислотой или пулей, – моей дружбы они бы не потеряли и, думаю, никакой суд не осудил бы их.

– Вероятно, вы правы. – Миссис Больфем начала раздеваться. – Может быть, мне лучше лечь... Но для этого требуются крепкие нервы. И, вы знаете, риск очень велик. Однажды Анна говорила мне, что у нее есть какой-то безвкусный и бесцветный яд.

– О, боже! Миссис Коммек могла быть безнадежно лишена стиля и честолюбия, что лишало ее права сиять в созвездии эльсинорских избранниц, но без сомнения она обладала чувством юмора и в эту минуту забыла случайность, прекратившую жизнь ее брата.

– Не говорите об этом никому, иначе не пройдет и часа, как не уцелеют ни яд, ни многие мужья.

Думаю, предупредить Анну во всяком случае. Я не уверена, что могу промолчать об этом.

Дверь осторожно отворилась, и показалась пушистая головка миссис Гифнинг.

– Я не могла добиться самой Анны, – шептала она, – ребенок еще не родился, но мистер Хаустон сказал, что сам передаст ей, как только все будет в порядке, и отпустит ее. Он страшно потрясен и посылает вам привет.

– Благодарю, дорогая, – пробормотала миссис Больфем, я хочу попробовать заснуть пока. Полли обещала посидеть со мной до приезда Анны. Покойной ночи.

8

В детской на ферме Хаустона раздался слабый плач. Мать спала, а новорожденный был в опытных руках. Мистер Хаустон, фермер, более зажиточный и предприимчивый, чем можно было представить, судя по его несколько небрежной внешности, поманил доктора Анну в столовую, куда сонная, но сочувствующая служанка принесла кофе и сэндвичи. Борьба длилась более двух часов. И каждая минута была полна беспокойства как для доктора, так и для мужа. Сердце миссис Хаустон оказалось неожиданно ослабевшим, а ребенок не только не стремился пробиться к вратам жизни, как это подходило бы настоящему мальчишке, но в течение двадцати минут, по крайней мере, не проявлял совершенно признаков жизни.

Доктор Анна опустилась на стул возле стола и закрыла лицо руками.

– Кажется, я устала, – сказала она едва слышно.

И фермер, бросив кофейник, побежал за виски. – Выпейте это, – сказал он настойчиво. Его руки дрожали, но он не пытался объяснить словами свое подавленное волнение, пока они оба не оказались сидящими за столом за кофе и виски. Тогда, с толстым, наполовину съеденным, куском сэндвича в руках, он начал бессвязно благодарить Анну.

– Вы мастер своего дела, – бормотал он, – вот именно. А ваша бедная спина, верно, совсем разбита. Вы, доктора, должны побить меня. Особенно вы, женщина-врач. Никогда ни слова не скажу против женщин-врачей, но теперь сознаюсь вам, что, хотя бедная Эджи до смерти вас хотела, я все время протестовал.

Доктор Анна сидела, улыбаясь. Она остановила его заявления и извинения.

– Не могу понять, что со мной случилось, почему я так ослабела. За последнее время мне приходила мысль, что, может быть, я больна. Надо завтра исследовать свою кровь. Теперь поеду домой и скорее в постель, хотя кофе настроил меня, как самую лучшую скрипку.

– Да, конечно, я тоже нуждаюсь в этом, но, то есть... еще причина... Вот, знаете... – Мистер Хаустон встал и теребил свою короткую кустистую бородку. – Миссис Гифнинг телефонировала мне недавно. Вас ждут у Больфемов – там плохо.

Доктор Анна вскочила, ее полные щеки снова побледнели.

– Энид, что с ней случилось?

– О, она в полном порядке – это Дэв.

– А, снова гастрический припадок?

– Много хуже. В него стреляли, вероятно часа два-три назад, я не спросил, когда это было, так как очень спешил обратно к Эджи, хотя, кажется, она сказала, что это случилось у самых его ворот.

– Кто же это сделал?

– Никто не знает.

– Умер?

– Нельзя быть более мертвым.

– Хм. – Краска снова вернулась на усталое лицо Анны, и она пожала плечами. Я не стану кривить душой, думаю, что и вы также.

– Я не более лицемер, чем демократ. Его заблуждения увеличивались с каждым годом. Это хороший конец. А всё-таки я желал бы, чтобы он умер в своей постели. Мне не нравится мысль, что мой согражданин может быть застрелен подобным образом. Это противно законам и порядку и, если только убийца будет схвачен, а меня выберут в состав присяжных и вина будет доказана, я стану голосовать за обвинение.

– Правильно, – быстро сказала Анна, вышла в прихожую и надела шляпу. – Вероятно, миссис Больфем хотела меня видеть?

– Да, да, вот именно. Но вам лучше ехать домой и заснуть. Там довольно женщин кругом нее, вероятно, уже весь город.

– Но я знаю, что ей нужна я. – Лицо доктора Анны нежно вспыхнуло. – Я и там хорошо засну на диване, возле ее кровати, если она захочет, чтобы я осталась.

– Прекрасно, но позаботьтесь о себе, – проворчал он. – Если вы не станете заботиться о себе, скоро вам придется перестать думать и о других. Сейчас приведу вашу машину.

Через несколько минут маленькая машина стояла у подъезда; он зажег фонари и крепко потряс руку доктора.

Она приветливо ответила на пожатие. – Ну, не тревожьтесь теперь, мистер Хаустон. Все идет отлично, а няня первоклассная. Не говорите с ней, то есть, с Эджи. Повидаю вас завтра, около десяти.

Она быстро выехала из ворот на дорогу. Месяц светил ярко и до Эльсинора было всего десять миль. Лицо Анны казалось измученным и страшным. От постоянного соприкосновения с тифозными больными бедных кварталов города она испытывала обыкновенно только здоровую усталость после работы, но теперь это было не то. Возможно ли, что она сама была больна? Она стала думать об Энид Больфем и забыла о себе. Наконец-то она свободна и еще молода, и привлекательна. Выйдет ли она замуж за Дуайта Роша? Он появился в ее сознании одновременно известием о смерти Больфема. Но был ли он достаточно хорош для Энид? Был ли вообще хорош кто-либо? Зачем, если она действительно овдовела и не нуждается в поддержке, ей снова выходить замуж? Во всяком случае она может ждать. Красивая женщина, в которой еще так много девичьего, может захватить и лучшую добычу. И еще в первый раз она порадовалась, что у Энид не было детей – женщина, избегнувшая общего жребия, всегда сохраняет что-то таинственно-девичье. И как это не странно, старые девы теряют это свойство. Но целомудренные и увлекательные женщины, не захотевшие раскрыть книгу опыта, щедро предлагаемую им, с глазами столь же чистыми, как у девушек, горящими только огнем мысли, – какую другую аномалию, более смущающую, мог бы создать мир. Доктор Анна была убеждена, что только равнодушие самой миссис Больфем отдаляло от нее мужчин. Будущность была в ее руках.

Сцена убийства привлекала мысль Анны, восстановить ее было не трудно даже по незначительным подробностям, которые она слышала. Убийство. Что за ужасное слово! Ужасно, что оно коснется хотя бы имени такого изысканного существа, как миссис Больфем. Почему не хватил его апоплексический удар, когда он так позорил себя в клубе? Но Анна нахмурилась и изгнала сцену из своей памяти. Доктора слишком долго тренируются видом смерти, чтобы ее призрак, в какой угодно форме, мог их преследовать.

За крутым поворотом дорога шла вдоль солончака, печального серого пространства, сливавшегося с далью серого моря. Неожиданно она заметила человека, быстро приближавшегося и ней. Он нес шапку в руках, как бы желая охладить горящую голову свежестью осенней ночи. Страха перед людьми Анна не испытывала, даже на одиноких деревенских дорогах, но тем не менее она не хотела, чтобы ее задерживали, и уже намеревалась увеличить скорость, когда ее внимание было привлечено чем-то мило – знакомым в высокой, свободной фигуре, с решительно поднятой головой. Через минуту яркий лунный свет озарил бледное лицо Дуайта Роша.

Она резко остановила машину, когда он закивал головой, узнав ее.

– Что случилось? – порывисто спросила она. Вы похожи на человека, стремившегося прогулкой убить время и увидавшего призрак.

– Моя голова полна призраков, она чертовски болит.

– Вы там были, когда все случилось?

– Что случилось?

– Как, вы делаете вид, что не знаете, когда весь Эльсинор знал это уже через пять минут?

– Я не знаю, о чем вы говорите. Я вышел из клуба вслед за вами, а потом уехал с поездом в Бруклин, где у меня было свидание. Когда я вернулся в Эльсинор и сошел с поезда, у меня так болела голова – я знал, что не засну – и потому отправился на прогулку, которая длится уже часа два.

– В Больфема стреляли возле его ворот, часа три-четыре назад.

– Великий боже, кто же это? Умер он?

– Он умер, и это почти все, что я могу сказать. Хаустон подходил к телефону, но был в таком состоянии из-за своей жены, что не настаивал на подробностях. Энид звала меня, Лотти Гифнинг подходила к «фону». Я догадываюсь, всё-таки, что они не поймали убийцу.

– Клянусь Юпитером, – Рош покачнулся, мне кажется, будто кто-то ударил меня под ложечку, а я не из чувствительных, хотя у меня достаточно оснований...

Доктор Анна продолжала наблюдать его. Он встретил этот взгляд, и изумление появилось на его лице. Потом он весь вспыхнул и откинул голову. – Что вы думаете? Что это сделал я?

– Нет, я не представляю себе вас убивающим...

- И не таким проклятым, предательским образом.

- Вот именно. Но вы могли знать что-нибудь об этом. Вы могли быть в роще или где-нибудь в другом месте в усадьбе, думая защитить Энид.

- Почему вы это думаете?

- Она мне говорила - и я согласна, что это не плохая мысль, - что вы просили ее развестись с Больфемом и выйти за вас. Но она не согласилась, думаю, искренно. Вот, входите, - быстро добавила она, - я отвезу вас домой и никому не скажу, что встретила вас. Видел вас кто-нибудь?

- Никто.

- Пока они не найдут действительного убийцу, всякий, кто имел причину сбросить Больфема со своей дороги, будет под подозрением. Кто-нибудь мог отгадать ваш секрет. Я его прочла в ваших глазах, в клубе, когда вы стремились увести Дэва из зала ради нее. Конечно, и я стремилась. Но эти корреспонденты из Нью-Йорка... Берегитесь их. Они частым гребнем вычешут все графство, чтобы отыскать замешанного в деле.

Рош втиснул свои длинные ноги в миниатюрную машину, и она быстро помчалась по ровной дороге.

- Я еще слишком возбужден для размышлений. Могу я закурить? Что вы думаете?

- У него было не мало политических врагов, кроме того два последних года он становился все более невыносим, и, вероятно, были враги и в его собственной партии. Но возможно, что это сделала одна из девчонок. По какой-то причине он нравился этим потаскушкам. За последнее время я нередко встречала его с рыжеволосой кривлякой, была похожа на такую, что не промахнется.

- Не скрою от вас, что видел миссис Больфем через несколько минут, как вы с ней расстались. Я весь кипел. Вместо того, чтобы подталкивать его в автомобиль Сама, я хотел бы вытащить его за здание клуба и хорошо отхлестать. Мы теперь слишком цивилизованы. Я всего-навсего пошел к нему в дом и спросил его жену,

согласна ли она развестись с этим животным и принять мое предложение жениться на ней. Два столетия назад, а может быть и одно, я схватил бы ее и умчал на лошади в леса. Мы не усовершенствовались, а только применяем запутанные и неискренние методы, и это называется цивилизацией.

– Вот именно. А она вас впустила к себе?

– Она? Вы могли бы даже не спрашивать. Теперь она не больше склонна к разводу, чем была раньше. Когда я предложил затеять с ним ссору, она чуть не прихлопнула меня дверью, но я пробрался к окну и заставил ее пообещать, что я буду первым, за кем она пошлет в случае тревоги.

– Но это не были вы. Голос Анны звучал ревнивым торжеством, – я была первой. Но дело не во мне. Я обожала ее сорок лет, а вы знаете ее всего несколько недель. Скажите мне, вы не прятались где-нибудь в усадьбе, чтобы охранять ее? Ведь она была совсем одна. В субботу все служанки города в отпуску.

– Я условился, что Сэм задержит его у себя на всю ночь. Кроме того, я знаю, что у нее есть револьвер. Больфем как-то сказал, что, когда начались эти кражи, он привез ей револьвер из Нью-Йорка.

– Хорошо, не говорите никому, что вы распорядились, как поступить с ее мужем, за несколько минут до того, как он был убит.

– Считаю себя вполне способным обдумать все самостоятельно и позаботиться о себе, – сказал он высокомерно, уязвленный ее тоном. – Если вы думаете, что я виновен – это ваше дело, но позвольте мне вам сказать, что, если бы я это сделал, я не стал бы прятать голову, подобно страусу.

– Но вы должны сделать все, чтобы избежать электрического стула. За это никто вас не осудит. Хорошо, я сказала, пока это касается меня, вы в безопасности. Я бы и собаку не послала на электрический стул. Если, и она испытующе посмотрела на него, – вы действительно любите Энид и хотите сделать ее счастливой...

– Люблю ли я? Да я женюсь на ней, если бы даже она сама это сделала и если ее руки красны от крови.

– Пожалуй, это по-настоящему, – она одобрительно похлопала его руку, – я все сделаю, чтобы вам помочь. Пока она еще совсем не влюблена в вас, но это потому, что она самое чистое создание на земле и не позволила бы себе даже мечтать о мужчине, который не может на ней жениться. Она одна из последних великих представительниц старых пуританских устоев, и когда вы видите так много ничтожной, прячущейся измены, пичкаете лекарствами таких нездоровых, истеричных женщин, как это приходится мне, – да боже мой, нет ничего удивительного, что для меня Энид Больфем сияет где-то высоко в небесах своим холодным блеском. Может быть, я идеализирую ее, да это неважно. Как печален был бы наш старый мир, если бы не нашлось хоть одного человеческого существа, возвышающегося этим истрепанным отребьем. Да, вы ей нравитесь, и она заинтересована вами. Только держитесь поблизости, когда она будет нуждаться в вас. Когда возбуждение пройдет, и она устанет от женской болтовни, она естественно потянется к вам, если, конечно, вы сумеете подойти к ней и не будете нацеливаться слишком поспешно. Только постоянство и такт – вот ваша игра. Я замолвлю за вас словечко.

– Клянусь, вы хороший товарищ. – Он нагнулся и порывисто поцеловал ее.

Когда доктор Анна почувствовала эти теплые, крепкие губы на своих поблекших щеках, то вдруг заплакала, чем удивила его и была удивлена сама. Через минуту она всё-таки подавила слезы и засмеялась странным, всхлипывающим смехом.

– Не обращайтесь внимания на глупую, старую деву, которая, видимо, любит Энид Больфем больше жизни. Я ведь деревенский доктор, Дуайт. Сегодня мне пришлось тяжело бороться за появление в мир еще одной несчастной души. Мне всегда лучше, когда я поплачу – еще с тех пор, как вы, мальчики, меня дразнили в школе за то, что мои щеки были похожи на яблочко-ранет – вы не помните меня в школьное время, в вашей деревне, в Ренселервиле? Я жила там недолго и помню вас. Но теперь не время для воспоминаний. Где вы живете? Через три минуты мы будем в предместье.

– У меня есть помещение в Брабанте.

– А есть там ночной дежурный?

– Нет, это отдельная квартира.

– Хорошо, через несколько минут мы приедем.

Они быстро проехали через сонный город, уменьшив ход на углу Главной улицы и Атлантического Авеню. Рош выпрыгнул со словами благодарности и пошел по Авеню к Брабанту. Тут деревья были еще молодые и редко посаженные, так как это было местом богатых пришельцев и тех из старых эльсинорцев, которые разбогатели и заново отстроили свои усадьбы. Кругом не было ни души, он вошел в свою холостую квартиру и поднялся на второй этаж, не замеченный никем.

9

Когда Рош закрыл за собой дверь, то почувствовал тяжесть своего угнетенного настроения.

Без сомнения, если бы доктор Анна его не встретила, он шел бы до полного изнеможения, потом попал бы где-нибудь по пути в поезд и приехал бы в Эльсинор растрепанным, страшным, вполне подходящим объектом подозрений. Никто лучше, чем он, не знал, что в маленьком местечке искры подозрений вспыхивают безостановочно, одинаково искривляя отражения правых и виноватых. И он почти был уверен, что увидит корреспондента, поджидающего внизу.

Раньше, чем осветить комнату, он пробрался к окну и задернул занавеси. Весьма возможно, что он, сыщик или репортер сидит напротив за изгородью. Он, как опытный криминалист, вполне сознавал опасность и хотел быть во всеоружии для защиты по всем пунктам.

Окружной обвинитель, один из компании Больфема, умный и честолюбивый, но слишком плохо образованный, чтобы получить назначение вне Брабанта и даже, за недостатком политического влияния, не бывший в состоянии добраться до верхов у себя дома, ненавидел блестящего пришельца, который уже дважды побил его за короткий срок своей службы. И то, что Рош был родом из графства, только усиливало неприязнь к нему: если Брабант был недостаточно хорош для начала карьеры, зачем же он не остался там, куда так стремился?

Но внимание Роша недолго задержалось на нем: он с тревогой вспомнил, что Алиса Кромлей успела зарисовать сцену его борьбы с Давидом Больфемом. Он знал о ее честолюбивом стремлении занять место художника при одной из нью-йоркских газет, но предположение, что она могла угадать тайные причины, руководившие им, или продать рисунок одному из репортеров, мало волновало бы его, если бы художница не была женщиной, которую он вдруг перестал посещать около двух месяцев тому назад.

Он встретил Алису Кромлей года через полтора после своего возвращения в графство Брабант и месяца через три после своего переезда из Добтона в Эльсинор. Его привлек к ней ее блестящий, гордый ум, соединенный с оригинальностью, и ее внешность, одновременно артистическая и модная.

Мисс Кромлей гордилась тем, что была оригинальна – для Эльсинора, во всяком случае – хотя ее густые, выхоленные волосы были причесаны с классической строгостью и хотя у себя дома и на вечерах у своих подруг она носила мягкие платья необычайного покроя; впрочем, для появлений на улице она предусмотрительно выбирала только то, что допускалось модой момента. В Парк-Роу, где она недолго вращалась среди газетного мира, она привлекала внимание критически настроенных женщин-журналисток, как девушка, умевшая одеваться очень модно, но с добавкой того «личного», отсутствие чего губит произведения лучших портных.

Конечно, мисс Кромлей не покровительствовала самодержцам с Пятого Авеню. Свои *tailleur*'ы она покупала в магазинах готового платья, но, как и многие американки, знала, где купить и, особенно, как носить.

После окончания Высшей школы, она еще продолжала образование, но вдруг ее нервы восстали, и она переменила эту самую скучную из специальностей на работу в газетах. Как репортер, она бы не выдержала физически; возможно, была бы прелестным модным издателем, но эти завидные места были слишком нарасхват. По совету светила репортажа ее газеты, мистера Джемса Бродрика, который, вместе с другой газетной братией, случайно оказался за чаем, в одно из воскресений, в ее прелестной, маленькой квартире в Эльсиноре, она уже целый год развивала свой талант к рисованию. Мистер Бродрик обещал «найти ей работу» постоянного художника, когда она усовершенствуется в технике.

В это время появился Дуайт Рош.

Мисс Кромлей жила с матерью, в коттедже, на Эльсинорском Авеню, рядом с доктором Анной. Миссис Кромлей, давно овдовевшая, увеличивала свою пенсию, в школьные годы дочери, изящным рукоделием, находя клиентов среди вновь приезжавших богачей. Она заведовала также кухней Женской Биржи в Бруклине, помогая иногда на обедах по подписке и парадных вечерах.

Теперь, уже несколько лет, она отдыхала вполне. Поэтому, когда Алиса, для изучения живописи оставила временно свою службу, Миссис Кромлей снова охотно выступила на арену практической работы.

Так как и деловая мать и умная дочь были милыми женщинами, то Дуайт Рош, вскоре после того, как встретил молодую девушку на вечере в клубе, заметил, что стремится к сближению с ними.

Комната Алисы – она уже давно изгнала из употребления слово «гостиная» – была обставлена в таких гармоничных тонах зеленого цвета, что напоминала о согласии, царившем между двумя хозяйками. Тут были низкие шкапы, полные новейшей литературы, английской и американской; ежемесячные журналы и сборники, заполнявшие стол, почти кричали о браваре, но несколько изящных акварелей на стенах спокойного зеленого цвета, хотя и нарисованные не очень решительной рукой, говорили об оригинальном вкусе хозяйки ателье, скрывавшегося позади дома.

В продолжение четырех месяцев Рош был постоянным посетителем коттеджа. Мисс Кромлей, следовавшая моде, как любой автомобильный завод, в этот момент увлекалась культом бесполой дружбы между мужчиной и девушкой. Одно время она смотрела на Джемса Бродрика, как на подходящего партнера для «философской» любви (прилагательное «платонический» уже устарело и, кроме того, указывало, что культ был гораздо старше, чем это хотели доказать его адепты). Но блестящий (и красивый) репортер не только был занят, но был слишком подвижен и непостоянен в настроениях. И, пожалуй, был юношей не слишком возвышенных идеалов. Из некоторых, случайно брошенных замечаний, которые окончательно погубили дело, Алиса принуждена была заключить, что он презирал людей, «теряющих время», почти так же, как любителей скачек. Если красивая, интересная и беспринципная девушка, попадавшаяся ему на пути, достаточно ему нравилась, то – «все было к лучшему». Сам господь бог знает, что занятый газетный корреспондент, вечно находящийся на побегушках у издателя, не может найти время для изучения изгибов девичьей души. И если девушка оказывалась «не сторонницей такого спорта», то лучше всего как

можно скорее очистить поле сражения для тех, у кого больше времени или стремления к узам брака. Эти замечания были обдуманно брошены хитрым Бродриком, хотя ему и нравилась «малютка», но он не хотел, чтобы она «ошиблась», особенно при его помощи.

Но Рош не был новичком в вопросах женской психологии и учел действительную стоимость Алисы Кромлей. Он восторгался, найдя в ней веселого друга-женщину и вполне отвечал ее стремлению развить в ней вкус к новой литературе. После получения звания юриста, он едва ли притронулся к книге, если не считать Свода Законов, судебных обзрений или ежедневной газеты. Она чудно читала вслух, особенно пьесы, и ему нравилось ее слушать. И потому, что она убедила его, что без чтения он теряет большую долю радости жизни, он скоро стал покупать для свободных вечерних часов такие произведения модных авторов, которые возбуждали, заставляли подумать, но были искренно написаны.

Они также посещали вместе симфонические концерты, а в сумерки она играла для него избранных классиков.

Он ничего не имел против музыки, так как она или способствовала ясности ума и разрешению запутанных вопросов, или нагоняла приятную дремоту. Ему нравился кабинетик Алисы, своими мягкими тонами напомиравший ему леса, которые он все еще страстно любил, и он чувствовал себя там свободно, как дома. Другие эльсинорские семьи, более богатые, тоже не были лишены уюта, но слишком часто были осчастливлены присутствием дочерей «на выданье», которые «выпускали коготки». Рош не был тщеславен или слишком высокого мнения о себе, насколько это вообще в характере мужчины, но прекрасно знал, что в Эльсиноре было мало подходящих людей и что всем известен его крупный заработок, а также и то, что он будет увеличиваться с годами.

Но, как мог бы предсказать мудрый Бродрик, если бы в этот период его личные интересы не отвлекли его внимания, напряжение было слишком велико для Алисы Кромлей.

Нервная и возвышенно настроенная, со времени ранней молодости переполненная ощущениями, не растраченными даже на бессердечный флирт, идеалистка и романтичная мечтательница, она начала сознавать, что с каждым длинным вечером, никем не прерываемым, – миссис Кромлей была самой тактичной матерью на свете, – она совсем по-женски ощущала притягательность и очарование этого быстрого ума, подвижного лица, по внешности сурового и

сухого, и соблазн неукротимой силы, бывшей отличительной чертой новой породы американских мужчин.

И прошло не много времени, а она начала преувеличивать все, что в нем было привлекательного, представляла его себе не тем хорошим представителем своего типа, каким он был, а восхваляемым сверх существом и единственным желанным человеком во всей вселенной. Ее чувство превосходства над этим «достаточно необразованным экземпляром с запада, ничего не знавшим, кроме работы», которого она могла многому научить, предохраняло ее некоторое время, держа в повиновении ее воображение и женскую натуру, но незаметно ей изменила и эта точка опоры; осталась лишь гордость, за которую она пыталась ухватиться.

Это было время, когда она «показала когти». Сначала, после своего открытия, она только возмущалась собой. Ей было 26 лет, и она не была такой беспомощной, чтобы страсти и чувства всецело владели ею. Но эта фаза была кратковременна. Увлечение нельзя ликвидировать ни из гордости, ни во имя рассудка, и разум коварно нашептывал ей: «Почему же нет?» Что стоила карьера художника, хотя и свободная и возбуждающая и дающая возможность составить круг добрых друзей, по сравнению с замужеством с честолюбивым человеком, внушившим такую безумную любовь? Разве она не решила, что рано или поздно именно так выйдет замуж?

За этим размышлением последовал логический, чисто женский вывод: если она любила его со всей полнотой чувства, одновременно первобытной и утонченной любовью, это было, конечно, потому, что и его сжигала подобная же страсть. Другими словами, он был ей предназначен. Может быть, ему сейчас слишком хорошо и удобно с ней, чтобы отдать себе отчет в своих чувствах, но пробуждение возможно, и задача, вдохновлявшая ее, раскрыть ему самого себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Патриотическая военная песенка, очень модная во время мировой войны.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aterton_gertruda/missis-bol-fem

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)